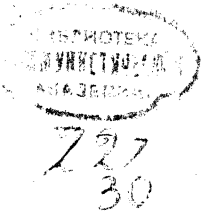
Пров 38



Сенъ-Симонъ и его школа.

Соціализмъ XIX-го столѣтія существенно отличается отъ того, который возникъ въ XVIII-мъ. Тамъ онъ проистекаетъ изъ крайняго развитія индивидуалистическаго начала: всеобщее равенство должно было распространяться не только на право, но и на имущество. Такова была теорія Бабефа. Здѣсь, напротивъ, соціализмъ явился какъ реакція противъ индивидуализма. Разрушительнымъ стремленіямъ, которыя въ полной силѣ проявились во французской революціи, противополагается потребность созиданія. Организація труда становится основнымъ началомъ соціалистическихъ ученій, которыя развиваются въ цѣломъ рядѣ системъ, смѣняющихъ другъ друга.

Основателемъ этого направленія былъ графъ Сенъ-Симонъ, одна изъ самыхъ оригинальныхъ личностей, какія встрѣчаются въ исторіи мысли. Потомокъ знатнаго рода, онъ съ молоду считалъ себя призваннымъ къ великимъ дѣламъ. Поперемѣнно воинъ, путешественникъ, спекуляторъ, глава школы, одно время разбогатѣвшій, потомъ разорившійся, онъ постоянно искалъ новыхъ началъ общественной жизни, изучалъ различныя отрасли наукъ, входилъ въ близкія сношенія съ учеными и литераторами, наблюдалъ, проповѣдывалъ, старался проложить новые пути. Одушевленный самою горячею любовью къ человѣчеству и безграничною вѣрою въ свое призваніе, онъ умѣлъ свой пламень передавать и другимъ. Изъ его школы вышли люди съ вы-

дающимися дарованіями, игравшіе значительную роль на различныхъ общественныхъ поприщахъ: знаменитый историкъ Августинъ Тіерри, философъ Августъ Контъ, извѣстный экономистъ Мишель Шевалье, банкиръ Перейръ, не говоря о ближайшихъ послѣдователяхъ, которые образовали школу, имѣвшую значительное вліяніе на умы. Самъ Сенъ-Симонъ писалъ много, но отрывочно и безпорядочно, переходя отъ одной точки зрѣнія къ другой, нерѣдко вдаваясь въ односторонность, затѣмъ стараясь восполнить проистекающіе отсюда недостатки другими началами. Цѣльной и связной системы у него не было. Онъ былъ больше иниціаторъ, нежели систематикъ. Но главное исходило отъ него, вслѣдствіе чего онъ своими послѣдователями возведенъ былъ на степень пророка, открывшаго человѣчеству новые пути.

Первое сочиненіе, съ которымъ онъ выступилъ въ 1802 г., были *Письма женевскаго жителя къ своимъ современникамъ* (Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains). Автору было тогда 42 года [1]). Это было странное предложеніе, которое по самому своему характеру не могло имѣть практическаго значенія и не обратило на себя вниманія. Сенъ-Симонъ предлагалъ открыть подписку передъ гробницею Ньютона. Каждый могъ подписаться на какую угодно сумму и при этомъ долженъ былъ назвать трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Подписка должна возобновляться ежегодно, при чемъ дозволяется называть тѣхъ же самыхъ лицъ. Собранныя деньги должны дѣлиться между тремя лицами каждой категоріи, получившими наибольшее число голосовъ, при чемъ отъ нихъ требуется, чтобы они не получали ни почестей, ни мѣстъ, ни денегъ, но имъ предоставляется право упо-

1) Важнѣйшія сочиненія Сенъ-Симона, въ томъ числѣ и эти письма, были изданы въ 1832 г. его ученикомъ, Оландомъ Родригомъ (Olinde Rodrigues). Затѣмъ болѣе полное изданіе *Избранныхъ сочиненій* (Oeuvres choisies de C. H. de Saint-Simon) вышли въ Брюсселѣ въ 1859 г. Ссылаюсь на послѣднее.

треблять свои силы и средства, какъ имъ угодно. Этимъ способомъ, говоритъ Сенъ-Симонъ, геніальные люди получатъ достойную награду и будутъ поставлены въ положеніе, которое дастъ имъ возможность обратить всѣ свои силы на благо человѣчества. Всѣ честолюбія будутъ возбуждены и не станутъ уже привлекаться къ путямъ вреднымъ для общества. Черезъ это всѣ работающіе на пользу прогресса и просвѣщенія получатъ начальниковъ, пользующихся громаднымъ вліяніемъ, располагающихъ значительными денежными средствами (I° Lettre). Эти люди будутъ избранниками всего человѣчества, а потому будутъ работать на пользу всѣхъ, а не только нѣкоторыхъ, чѣмъ самымъ разрѣшается вопросъ, издавна занимавшій моралистовъ: поставить человѣка въ такое положеніе, что личный его интересъ и общій постоянно дѣйствовали бы въ одномъ направленіи (Réponse d'un ami).

Любопытны тѣ доводы, которыми Сенъ-Симонъ думалъ подвинуть своихъ современниковъ къ принятію его предложенія. Онъ раздѣлялъ людей на три разряда: на ученыхъ, художниковъ и вообще людей прогресса, на собственниковъ, противящихся всякому нововведенію, и не-собственниковъ, которые становятся подъ знамя равенства.

Первымъ онъ указывалъ на то, что его предложеніе согласно съ ихъ собственными интересами; противится этому только сила инерціи, которую и надобно побороть. Вторымъ онъ доказывалъ, что ихъ преимущество передъ не-собственниками основано не на избыткѣ матеріальныхъ средствъ, а единственно на превосходствѣ образованія. Поэтому прямой ихъ интересъ заключается въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону тѣхъ изъ среды не-собственниковъ, которые возвышаются надъ другими умомъ и талантомъ. Пренебреженіе къ этому правилу повело къ французской революціи. Интеллигенція соединилась съ не-собственниками, и собственники были побѣждены. И это будетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока интеллигенція не будетъ привлечена къ собственникамъ своими интересами,

что и имѣется въ виду сдѣланнымъ предложеніемъ. Наконецъ, не-собственникамъ Сенъ-Симонъ внушалъ, что всякое улучшеніе ихъ состоянія возможно единственно вслѣдствіе центровъ наукъ и искусствъ; слѣдовательно, принявъ его предложеніе, они поставятъ во главѣ человѣчества людей, имъ наиболѣе полезныхъ. При этомъ Сенъ-Симонъ высказываетъ свои взгляды на научные методы. Ученый, говоритъ онъ, есть человѣкъ, который *предвидитъ*. Но предвидѣніе должно быть *оправдано опытомъ*. Только тѣ науки заслуживаютъ это названіе, которыя произвели эту провѣрку и тѣмъ самымъ устранили чистыя созданія воображенія. Такъ, астрономія изгнала астрологію, химія—алхимію; теперь надобно, чтобы физіологъ точно также изгналъ философовъ, моралистовъ и метафизиковъ (2⁰ Lettre). Эти положенія были усвоены основателемъ положительной философіи, Августомъ Контомъ; но самъ Сенъ-Симонъ, какъ увидимъ далѣе, впослѣдствіи отступилъ отъ этихъ началъ.

Стараясь убѣдить различные общественные классы въ выгодахъ, которыя принесетъ имъ его предложеніе, Сенъ-Симонъ обращается и ко всѣмъ имъ въ совокупности, указывая на тѣ гибельныя послѣдствія, которыя повлекло за собою приложеніе начала равенства въ революціи 1789 г. Независимо отъ ужасовъ, которые оно произвело тѣмъ, что вручило власть невѣжественной толпѣ, оно породило совершенно невозможный образъ правленія чрезмѣрнымъ умноженіемъ выборныхъ властей, которыя всѣ должны были оплачиваться для того, чтобы дать къ нимъ доступъ несобственникамъ. Такимъ образомъ, трудъ управляемыхъ едва доставалъ для содержанія правителей, что прямо противорѣчитъ интересамъ не-собственниковъ, заключающимся въ томъ, чтобы платить какъ можно менѣе податей. По мнѣнію Сенъ-Симона, всѣмъ классамъ общества будетъ выгодна слѣдующая организація: духовная власть въ рукахъ ученыхъ, свѣтская въ рукахъ собственниковъ, наконецъ, право назначать начальствующихъ лицъ въ рукахъ всѣхъ; а въ видѣ жалованья—уваженіе (2 Lettre).

Къ этому Сенъ-Симонъ присовокупилъ нѣчто вродѣ видѣнія, представляющаго будущее управленіе человѣческаго рода. Голосъ Бога возвѣщаетъ ему, что Римъ откажется отъ притязанія быть средоточіемъ церкви. Данная ему власть отнимется у него за то, что онъ пересталъ стоять во главѣ науки и позволилъ себя опередить свѣтскимъ людямъ. Одесную Бога будетъ сидѣть Ньютонъ, которому будетъ ввѣрено управленіе всѣми планетами. Совѣтъ 21 избранниковъ человѣчества будетъ называться его именемъ и будетъ представителемъ Бога на землѣ. Онъ раздѣлитъ человѣчество на четыре отдѣла: англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Каждый изъ нихъ будетъ имѣть совѣтъ, составленный такъ же, какъ и главный. Всѣ люди будутъ распредѣляться между ними, и всѣ будутъ имѣть право выбора, женщины, также какъ и мужчины. Всѣ люди будутъ трудиться; они будутъ смотрѣть на себя, какъ на работниковъ, призванныхъ приблизить человѣческій умъ къ божественному предвѣдѣнію. Главный совѣтъ Ньютона будетъ руководить этими работами; онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы понять дѣйствія всемірнаго тяготѣнія, составляющаго единственный законъ, которому подчинено мірозданіе. Всѣ совѣты Ньютона будутъ уважать границы, раздѣляющія духовную власть отъ свѣтской.

„Самъ Богъ говорилъ мнѣ“: заключаетъ Сенъ-Симонъ; „развѣ человѣкъ могъ бы изобрѣсти религію, превосходящую всѣ, доселѣ существовавшія?.. Посмотрите, какъ ясно предписаніе въ откровенной мнѣ религіи, и какъ вѣрно исполненіе. На каждаго возложена обязанность постоянно давать своимъ личнымъ силамъ направленіе, полезное человѣчеству; руки бѣднаго будутъ продолжать питать богатаго, но богатый получаетъ приказаніе заставлять работать свой мозгъ, а если его мозгъ неспособенъ къ работѣ, то онъ будетъ принужденъ работать своими руками, ибо Ньютонъ, конечно, не оставитъ на этой планетѣ, одной изъ самыхъ близкихъ къ солнцу, рабочихъ по своей волѣ безполезныхъ въ мастерской“... „Не стану болѣе распространяться объ

этомъ предметѣ: всякій человѣкъ, вѣрящій въ откровеніе, необходимо убѣдится, что одинъ Богъ могъ дать человѣчеству средство заставить каждаго своего члена слѣдовать предписанію любви къ ближнему" (3 Lettre).

Въ этихъ нескладныхъ прорицаніяхъ высказываются уже всѣ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе Сенъ-Симонизма: религіозный характеръ будущаго устройства человѣческаго рода, замѣна отсталыхъ церковныхъ властей корпораціей ученыхъ и художниковъ, обязанность труда, возложенная на всѣхъ, любовь къ ближнему, какъ руководящее начало всякой дѣятельности, призваніе женщинъ, начало, которое впослѣдствіи сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и, наконецъ, разрыва въ школѣ сенъ-симонистовъ.

Въ постскриптумѣ Сенъ-Симонъ высказываетъ намѣреніе написать письмо, въ которомъ онъ будетъ разсматривать религію, какъ человѣческое изобрѣтеніе, или какъ единственное политическое учрежденіе, которое можетъ вести къ общей организаціи человѣческаго рода. При этомъ онъ излагаетъ главную мысль, которая должна лечь въ основаніе этого труда. „Предположите,—говоритъ онъ,—что вы узнали способъ распредѣленія матеріи въ какую-либо эпоху, и что вы составили планъ вселенной, обозначивъ числомъ количество матеріи, заключающееся въ каждой изъ ея частей: вамъ будетъ ясно, что, прилагая къ этому плану законъ всемірнаго тяготѣнія, вы могли бы предсказать настолько точно, насколько позволяетъ состояніе математическаго знанія, всѣ послѣдовательныя перемѣны, которыя произойдутъ въ мірозданіи. Это предположеніе поставитъ вашъ умъ въ такое положеніе, въ которомъ всѣ явленія представятся ему въ одинакомъ видѣ; ибо разсматривая на планѣ вселенной часть пространства, занятого вашею особою, вы не найдете никакой разницы между явленіями, которыя вы называете *нравственными*, и тѣми, которыя носятъ названіе физическихъ. Даннаго указанія достаточно для того, чтобы моя мысль была понята математиками" (3 Lettre).

Эту чисто матеріалистическую гипотезу Сенъ-Симонъ развилъ въ изданномъ въ 1808 году *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка* (Introduction aux travaux Scientifiques du dix-neuvième siècle. Oeuvres choisies T. I).

Человѣческій разумъ, говоритъ Сенъ-Симонъ, имѣетъ два способа познанія предметовъ: синтезъ и анализъ. Первый идетъ отъ общаго факта къ частнымъ, второй обратно, отъ частныхъ къ общему. Первый называется также способомъ познанія a priori, второй способомъ познанія aposteriori (стр. 68). Оба равно необходимы: споры о преимуществахъ того и другого также безсмысленны, какъ если бы стали спорить о томъ, что лучше, поднимать или опускать стержень при дѣйствіи насоса: когда стержень находится наверху, его слѣдуетъ опускать, когда онъ внизу, его слѣдуетъ поднимать (стр. 77). Такъ всегда и поступали въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Основатели науки новаго времени, Бэконъ и Декартъ, шли путемъ синтеза. Декартъ провозгласилъ общимъ правиломъ, что человѣкъ долженъ вѣрить только тому, что признано разумомъ и подтверждается опытомъ. Онъ же сказалъ: „дайте мнѣ матерію и движеніе, и я построю вамъ міръ". Созданная имъ система вихреворотовъ была первая и великая для своего времени попытка объединить всѣ явленія общимъ началомъ. Но затѣмъ оставалось подтвердить эти воззрѣнія опытомъ; отъ синтеза надобно было перейти къ анализу. Это сдѣлали въ физической области Ньютонъ, въ отношеніи къ человѣку—Локкъ. Французскіе ученые XVII вѣка, Лагранжъ и Лапласъ, въ математикѣ и астрономіи, Кондильякъ и Кондорсе, въ приложеніи къ человѣческому познанію и дѣятельности, развивали только положенныя ими начала. Рядомъ съ этимъ шло и разрушеніе отжившаго свой вѣкъ синтетическаго зданія, основаннаго на вѣрѣ. Въ этомъ отношеніи главные удары были нанесены энциклопедистами, которые однако болѣе содѣйствовали разрушенію стараго, нежели созиданію новаго. Теперь предстоитъ опять синтетическая работа; новыя открытія можно сдѣлать на пути a priori (стр. 164).

Эту работу и хочетъ предпринять Сенъ-Симонъ, сознавая однако, что онъ для нея еще недостаточно созрѣлъ и что ему нужно еще десять лѣтъ для написанія сочиненія, котораго очеркъ онъ представляетъ теперь своимъ соотечественникамъ, съ цѣлью дать имъ заранѣе возможность насладиться его мыслями (стр. 56). Предполагаемое сочиненіе такъ и осталось ненаписаннымъ, и все ограничилось отрывками, о значеніи которыхъ можно судить по ихъ содержанію.

Сенъ-Симонъ отправляется отъ положенія, что открытый Ньютономъ законъ всемірнаго тяготѣнія есть общій фактъ, изъ котораго, какъ первоначальной причины, вытекаютъ всѣ явленія физическаго и нравственнаго міра (стр. 157, 165). Ньютонъ, будучи великимъ физикомъ, геометромъ и астрономомъ, не умѣетъ ни обобщать, ни сопоставлять свои мысли; ихъ философскій смыслъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ (стр. 161). Между тѣмъ, этимъ общимъ фактомъ можно воспользоваться для объясненія всѣхъ существующихъ явленій; какъ общая идея, онъ можетъ служить для созданія цѣлаго воображаемаго міра. Объ этомъ воображаемомъ мірѣ Сенъ-Симонъ и хочетъ говорить (стр. 157).

Вселенная есть пространство, наполненное матеріей. Послѣдняя существуетъ въ двухъ формахъ: твердой и жидкой; количество обѣихъ одинаково. Частицы матеріи попеременно переходятъ изъ одного состоянія въ другое. Всѣ явленія суть дѣйствія борьбы, существующей между жидкими тѣлами и твердыми. Вселенная дѣлится на двѣ ровныя части: твердую и жидкую. Твердая часть есть та, въ которой матерія стремится къ отвержденію, мягкая та, въ которой она стремится къ разрѣженію. Въ извѣстныя времена эти двѣ части смѣшиваются; тогда происходитъ всеобщая дезорганизація на тѣхъ же основаніяхъ. Вселенная есть единственное вѣчное явленіе; всѣ же второстепенныя явленія имѣютъ бо́льшую или ме́ньшую продолжительность (стр. 166—7).

Отношеніемъ твердыхъ тѣлъ къ жидкимъ Сенъ-Симонъ

думалъ разрѣшить и то противорѣчіе, которое онъ усматривалъ въ выводахъ астрономовъ и физиковъ. Какъ астрономъ, Ньютонъ признавалъ, что въ пространствѣ между свѣтилами нѣтъ матеріи, ибо не оказывается тренія, задерживающаго ихъ движеніе. Но какъ физикъ, онъ признавалъ существованіе наполняющей пространство матеріи, посредствомъ которой распространяется свѣтъ. По мнѣнію Сенъ-Симона, Ньютонъ не впалъ бы въ это противорѣчіе, если бы онъ призналъ существованіе въ пространствѣ количества жидкой матеріи, равнаго количеству твердой, составлявшей массу свѣтилъ, ибо въ такомъ случаѣ дѣйствія отъ двухъ матерій другъ на друга уравновѣшиваются и тренія не можетъ быть (стр. 162). Это объясненіе показываетъ, какъ далекъ былъ Сенъ-Симонъ отъ истинно-научнаго знанія, несмотря на всѣ его претензіи.

Еще болѣе фантастическимъ представляется его объясненіе происхожденія органическихъ тѣлъ, которое онъ точно такъ же производитъ изъ отношенія жидкой и твердой матеріи. Отсюда происходитъ броженіе, отъ величины котораго зависятъ величины возникающихъ изъ него организмовъ. Маленькое броженіе производитъ малые организмы, большое—большіе. Самое значительное броженіе было на землѣ при переходѣ ея изъ состоянія кометы въ состояніе планеты, то-есть, когда она начала вращаться около своей оси (стр. 167). Самые организмы представляютъ постоянную борьбу между твердыми и жидкими элементами. Весь ихъ механизмъ состоитъ въ выдѣленіи жидкостей въ мозгу и другихъ аналогическихъ органахъ, изъ которыхъ онѣ разносятся нервами по всѣмъ частямъ тѣла. Внѣшнія чувства суть выдѣленія (épanouissements) нервовъ черезъ отверстія, которыми нервная или жизненная жидкость сообщается съ однородными жидкостями, разлитыми въ пространствѣ. Мысль есть не что иное, какъ матеріальное притяженіе; это — результатъ движенія нервной жидкости (стр. 170). Явленія, которыя называютъ физическими, принадлежатъ къ разряду явленій твердыхъ тѣлъ; явленія, которыя назы-

ваются нравственными, принадлежатъ къ разряду явленій жидкихъ тѣлъ (стр. 219).

Сообразно съ этимъ чисто-матеріалистическимъ взглядомъ Сенъ-Симонъ не признаетъ никакой существенной разницы между человѣкомъ и другими животными. Человѣкъ есть вселенная въ маломъ видѣ; а такъ какъ вселенная заключаетъ въ себѣ не два порядка вещей, а одинъ, физическій, то и въ человѣкѣ нѣтъ ничего, кромѣ сочетанія физическихъ элементовъ (стр. 175). Единственное его отличіе отъ другихъ животныхъ состоитъ въ томъ, что его организація болѣе приспособлена къ развитію. Отсюда и нравственное его превосходство (стр. 177). Если другія животныя не развиваются, то причина заключается въ томъ, что человѣкъ мѣшаетъ ихъ развитію, выгоняя однихъ въ пустыни и обращая другихъ въ рабство. Если бы человѣчество исчезло съ лица земли, то наилучше организованная послѣ него порода животныхъ стала бы развиваться (172—3).

Самое развитіе человѣчества слѣдуетъ развитію планеты. Сперва въ немъ преобладаютъ жидкія тѣла, а потомъ твердыя. Съ первымъ связано развитіе воображенія, со вторымъ развитіе разсудка (175—6). Это одинаково проявляется въ развитіи лица и цѣлаго рода. Въ дѣтствѣ человѣкъ проявляетъ болѣе всего наклонность къ механическимъ искусствамъ; въ юности онъ становится артистомъ. Съ 25 до 45 лѣтъ дѣятельныя его силы получаютъ полное развитіе: онъ является преимущественно военнымъ. Съ 45 лѣтъ дѣятельныя силы уменьшаются, а умственныя получаютъ преобладаніе: это — періодъ зрѣлаго мышленія, а вмѣстѣ и нисхожденіе по жизненному пути. То же самое мы видимъ и въ исторіи: египтяне отличаются механическими работами, греки художествомъ, римляне военною силой; сарацины, отличаясь, какъ римляне, военными доблестями, положили, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе развитію физическихъ и математическихъ наукъ. Сравнивая исторію человѣчества съ развитіемъ отдѣльнаго лица, можно думать, что первое достигло приблизительно сорокалѣтняго возраста (177—9).

Это — самое счастливое время жизни, то, въ которомъ съ наибольшею силой проявляются обѣ способности—воображеніе и разсужденіе (183).

Исходя отъ этихъ началъ, Сенъ-Симонъ предлагаетъ своеобразное дѣленіе исторіи, которое однако плохо клеится съ характеристикой возрастовъ. До сихъ поръ, говоритъ онъ, историки обращали вниманіе только на второстепенные факты, не возвышаясь къ общимъ воззрѣніямъ. Кондорсе первый ввелъ начало совершенствованія, противопоставивъ его теоріямъ „круговыхъ" философовъ, которые утверждали, что человѣчество всегда вращается въ одномъ кругѣ. Но въ развитіи своихъ взглядовъ онъ впалъ въ самыя грубыя ошибки. Онъ далъ намъ очеркъ не исторіи, а романа, ибо онъ видѣлъ вещи не такъ, какъ онѣ въ дѣйствительности, а такъ какъ онъ хотѣлъ ихъ видѣть (184-191). Исходя отъ общихъ взглядовъ, слѣдуетъ раздѣлить исторію на два періода: древнюю и новую. Первая, соотвѣтствуетъ дѣтству и простирается отъ начала міра до Сократа, вторая простирается отъ Сократа до нашихъ дней. До Сократа прогрессъ былъ только частный; дѣйствовавшіе на историческомъ поприщѣ народы возвышались до понятія о божествѣ, но безъ всякой системы. Сократъ первый далъ этой идеѣ характеръ единства и понялъ ее, какъ орудіе научныхъ комбинацій. Черезъ это онъ сдѣлался основателемъ общей науки. Древняя исторія, въ свою очередь, дѣлится на два періода: первый отъ начала человѣческаго рода до Моисея, второй отъ Моисея до Сократа. Все, что предшествовало Моисею, покрыто для историка непроницаемымъ мракомъ; только глазъ физіолога можетъ въ него проникнуть. Періодъ отъ Моисея до Сократа тоже освѣщенъ весьма слабымъ свѣтомъ, но онъ имѣетъ и мало интереса для мыслящаго человѣка (192—3). Моисей сочинилъ идею Бога; но только Сократъ опредѣлилъ ее точнѣе и и положилъ ее въ основаніе своей философской системы (189). Дальнѣйшее движеніе этой идеи, въ свою очередь, дѣлитъ новую исторію на два почти равныхъ періода: первый про-

стирается отъ Сократа до Магомета, второй отъ Магомета до нашихъ дней. Первый представляетъ развитіе деизма, второй его упадокъ и постепенную замѣну его физицизмомъ, который долженъ служить основаніемъ религіи будущаго, ибо религія есть ничто иное, какъ собранія приложеній общей науки, посредствомъ которыхъ просвѣщенные люди управляютъ невѣждами. Всякій возрастъ имѣетъ свой характеръ, и всякое учрежденіе свою продолжительность. Поэтому и религія старѣетъ, какъ и другія учрежденія, и по прошествіи извѣстнаго времени должна быть возобновлена. Благодѣтельная вначалѣ, она становится притѣснительною, когда отстаетъ отъ вѣка, и органы ея опережаются другими (194—5, 213). Сенъ-Симонъ признаетъ однако, что въ настоящее время физицизмъ еще не довольно развитъ, чтобы стать основаніемъ религіи, а такъ какъ деизмъ уже износился и не удовлетворяетъ умственнымъ потребностямъ, то приходится имѣть два ученія: физицизмъ для образованныхъ людей и деизмъ для невѣжественной массы. Поэтому онъ для виду считаетъ нужнымъ оказывать уваженіе деизму, который долго еще долженъ оставаться публичнымъ ученіемъ (214—5). Идея Бога не можетъ уже употребляться въ физическихъ наукахъ, но она долго еще будетъ служить опорой политическихъ комбинацій, ибо нѣтъ лучшаго средства дать надлежащую силу законодательнымъ мѣрамъ (219).

Возвѣщая въ будущемъ новую религію, Сенъ-Симонъ провозгласилъ и новое начало нравственности. На мѣсто евангельскаго правила: „не дѣлай другимъ того, что ты не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“, правило, которое имѣетъ чисто отрицательный и личный, а потому неприложимый къ обществу характеръ, онъ предлагаетъ поставить слѣдующее начало: „человѣкъ обязанъ трудиться“. При этомъ онъ замѣчаетъ, что понятіе о трудѣ должно быть принято въ самомъ широкомъ значеніи; никакого рода умственная работа не должна быть исключена. Только тунеядцы, пользующіеся доходами, не прилагая рукъ, являются лишнимъ

бременемъ для общества. Съ трудомъ связана и собственность, которая должна быть обезпечена закономъ; но моралистъ долженъ побуждать общественное мнѣніе наказывать празднаго собственника лишеніемъ уваженія. Католики, пожалуй, скажутъ, говоритъ Сенъ-Симонъ, что и Евангеліе осуждаетъ праздность. Но важенъ порядокъ, въ которомъ излагаются мысли, и то мѣсто, которое дается каждой изъ нихъ въ общей системѣ. Начало труда должно имѣть первенствующее значеніе въ новомъ обществѣ (220-1).

Осуществленіе своихъ плановъ Сенъ-Симонъ ожидалъ отъ Наполеона, передъ геніемъ котораго онъ преклонялся и котораго считалъ главою не только государства, но и работъ человѣческаго разума. Намекая на себя, онъ говоритъ, что самый сильный человѣкъ послѣ императора тотъ, кто наиболѣе глубоко ему удивляется (стр. 231). Въ тѣхъ же видахъ онъ писалъ, что императору нуженъ научный помощникъ, способный понять его планы и содѣйствовать ихъ исполненію; нуженъ второй Декартъ. При такихъ начальникахъ работы школы были бы изумительны (236).

Сенъ-Симонъ предсказывалъ, что Наполеонъ завоюетъ весь міръ и дастъ ему свои законы. Хотя англичане еще сопротивляются, но скоро они падутъ, и тогда кончится война, ибо не будетъ болѣе силы, способной сопротивляться волѣ императора. Когда же война будетъ кончена, его вниманіе устремится исключительно на науки. По его указаніямъ и подъ его начальствомъ ученая мастерская выработаетъ энциклопедію. Это сочиненіе организуетъ физицизмъ, оснуетъ посредствомъ размышленія и наблюденія тѣ общія начала, которыя навѣки будутъ служить руководствомъ человѣчества. Геній императора дастъ человѣчеству и наилучшее общественное устройство. Судя по первымъ же распоряженіямъ, можно предположить, что духовная власть и свѣтская будутъ раздѣлены: первая перейдетъ въ руки физицистскаго папы и духовенства; вторая же будетъ раздѣлена между князьями, стоящими во главѣ разныхъ частей человѣчества, при чемъ интересы этихъ частей будутъ

охраняться представителями, избранными изъ самыхъ крупныхъ собственниковъ и самыхъ видныхъ литераторовъ. Эти идеи, заключаетъ Сенъ-Симонъ, должны разсматриваться, какъ проявленіе свѣтозарнаго луча, исходящаго изъ фокуса императорскаго разума (стр. 243—4).

Походъ на Россію положилъ конецъ всѣмъ этимъ мечтамъ, а вмѣстѣ измѣнилъ и самыя воззрѣнія Сенъ-Симона на личность императора. Въ 1813 году онъ представилъ ему мемуаръ о способѣ заставить англичанъ признать низависимость флаговъ, но при этомъ положилъ условіемъ, чтобы Наполеонъ отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній и ограничился собственными границами Франціи. Сенъ-Симонъ утверждалъ, что таково единодушное желаніе его подданныхъ (II, стр. 172). Записка не содержитъ въ себѣ, впрочемъ, никакого способа заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, а только предлагаетъ назначить 25 милліоновъ награды тому, кто изобрѣтетъ наилучшій способъ достигнуть этой цѣли. Самъ Сенъ-Симонъ ограничился отвлеченными философскими соображеніями, въ убѣжденіи, что только на этой почвѣ можно построить положительную политику. Поэтому записка, имѣющая въ виду заставить англичанъ уважать нейтральные флаги, носитъ заглавіе: *Работа по всемірному тяготѣнію* (Travail sur la gravitation universelle). Но и о всемірномъ тяготѣніи тутъ говорится только въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ о міровомъ законѣ, изъ котораго должны истекать всѣ остальные. Такъ же какъ и *Мемуаръ о наукѣ человѣка* (Mémoire sur la Science de l'homme), представленный Сенъ-Симономъ въ томъ же году разнымъ ученымъ обществамъ, это сочиненіе содержитъ въ себѣ только повтореніе мыслей, высказанныхъ во *Введеніи къ научнымъ работамъ XIX вѣка*, и при томъ опять совершенно отрывочно и поверхностно, ибо, по признанію самого автора, на настоящую работу потребовалось бы нѣсколько лѣтъ, а онъ стѣсненъ временемъ и не хочетъ лишить своихъ современниковъ плодовъ своихъ размышленій.

И тутъ онъ исходитъ отъ того положенія, что есть два

способа изучать предметы: a priori и a posteriori. Оба, по его мнѣнію, происходятъ отъ ощущеній. Но наши ощущенія, по мнѣнію Сенъ-Симона, имѣютъ разныя причины: одни происходятъ отъ дѣйствія внѣшнихъ тѣлъ на наши чувства, другія рождаются отъ дѣйствія внутренней жизненной силы на органы чувства. Первыя идутъ отъ окружности къ центру, вторыя отъ центра къ окружности. Первыя составляютъ основаніе апостеріорнаго опыта, вторыя апріорнаго или умозрительнаго знанія. Вслѣдствіе этого есть цѣлый рядъ явленій, которыя мы можемъ изучать только послѣднимъ путемъ: таковы всѣ грубыя, или неорганизованныя тѣла. Напротивъ, организованныя тѣла могутъ быть изучаемы только апріори, ибо исходною точкою служитъ дѣятельность нашей жизненной силы, по аналогіи съ которой постигаются всѣ физіологическія явленія. Такимъ образомъ физика, т.-е. наука, дѣлится на двѣ части: на физику неорганизованныхъ тѣлъ и на физику организованныхъ тѣлъ. Къ послѣднему разряду принадлежитъ и наука о человѣкѣ. Душа, въ физическомъ отношеніи, есть матеріальная точка, къ которой сходятся и отъ которой расходятся всѣ наши жизненныя силы (стр. 178—180).

Съ этой точки зрѣнія религія есть не что иное, какъ общая научная теорія; теорія же имѣетъ цѣлью связать факты (стр. 189). Эта связь и существовала въ теченіе пятнадцати столѣтій при господствѣ христіанскаго ученія. Но нынѣ этотъ взглядъ устарѣлъ, надобно замѣнить его новой организаціей. Въ этихъ видахъ Сенъ-Симонъ обращается къ академіи съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Хотите ли вы организоваться? Нѣтъ ничего легче. Выберите идею, къ которой вы отнесете всѣ прочія и изъ которой вы выведете всѣ начала, какъ слѣдствіе. Тогда вы будете имѣть философію. Эта философія безъ сомнѣнія будетъ основана на идеѣ всемірнаго тяготѣнія, и всѣ ваши работы съ этой минуты примутъ систематическій характеръ. Что касается до способа организовать вашу корпорацію, то онъ столь же простъ; онъ тотъ же самый. Дайте одному изъ вашихъ

классовъ философію, какъ предметъ занятій; поручите его членамъ *вывести* изъ идеи всемірнаго тяготѣнія, или *связать* съ нею, смотря по тому, будетъ ли она идти апріори или апостеріори, всѣ извѣстныя явленія, и вы будете организованы въ отношеніи *дѣятельномъ*, такъ же какъ и въ отношеніи *страдательномъ*, т.-е. въ отношеніи *идей*, такъ же какъ и въ отношеніи *корпораціи*, и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ ваша сила будетъ неисчислима" (стр. 191—2).

Такимъ образомъ Сенъ-Симонъ считалъ возможнымъ и даже весьма легкимъ дѣломъ сочинить строго научную философію по порученію начальства. Изъ этого можно видѣть, какое понятіе онъ имѣлъ о наукѣ. При такихъ взглядахъ немудрено, что онъ распространялъ на ученыхъ идею духовной власти, которую онъ считалъ неподлежащей сомнѣнію, ибо раздѣленіе властей, духовной и свѣтской, непосредственно вытекаетъ изъ двоякой способности человѣка познавать вещи. „Духовная власть,—говоритъ онъ,—есть политическое приложеніе нашей способности познавать вещи a priori, такъ же какъ свѣтская власть есть политическое дѣйствіе, вытекающее изъ нашей способности разсматривать вещи a posteriori" (стр. 197). Первая поэтому, сообразно съ своею природою, можетъ хорошо обсуждать дѣла, общія всѣмъ народамъ, но дѣятельность ея становится невѣрною и даже вредною, когда требуется опредѣлить частные интересы каждаго изъ нихъ. Вторые, напротивъ, могутъ хорошо управлять частными интересами отдѣльныхъ народовъ, но никогда не могутъ достигнуть добрыхъ результатовъ относительно общихъ дѣлъ. Съ IX по XV столѣтіе эти дѣла власти, по мнѣнію Сенъ-Симона, находились въ надлежащемъ равновѣсіи, вслѣдствіе чего Европа наслаждалась миромъ (стр. 198). Съ XV же вѣка организація, которая связывала европейскіе народы и полагала предѣлъ ихъ честолюбію, постепенно падала, вслѣдствіе того, что свѣтскіе люди опережали духовенство въ знаніи, а теперь, вотъ уже двадцать лѣтъ, разыгралась война, которая погубила многіе милліоны людей и грозитъ погубить

все современное поколѣніе. Этотъ кризисъ вытекаетъ изъ естественнаго хода вещей; каждая научная теорія, по самой своей природѣ, старѣетъ и поддерживавшее ее духовенство падаетъ, когда она становится недостаточною. Но въ силу той же природы вещей свѣтскіе люди, которые создали новую научную теорію, должны замѣнить прежнее духовенство и организоваться въ корпораціи священнослужителей. Вслѣдствіе этого Сенъ-Симонъ предлагаетъ всѣмъ европейскимъ ученымъ обществамъ выбрать себѣ делегатовъ и послать ихъ въ Римъ для выбора новаго папы, который будетъ стоять во главѣ ученаго міра (стр. 247—9). Знаменитый реформаторъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что наука есть свободное, то-есть, по его теоріи, анархическое проявленіе человѣческаго духа, которое никакой регламентаціи не поддается и не признаетъ надъ собою никакой власти. Различіе между наукой и религіей совершенно отъ него ускользало. Всѣ его измышленія въ этомъ отношеніи свидѣтельствуютъ только о необузданной фантазіи, для которой научные пріемы и данныя служили только матеріаломъ для произвольныхъ построеній. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, идея духовной власти получила въ его школѣ преобладающее значеніе.

Иной характеръ носитъ на себѣ брошюра *О реорганизаціи европейскаго общества*, изданная въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса [1]). И тутъ преобладаетъ утопія, но рядомъ съ этимъ находятся и политическія мысли, которыя не встрѣчаются въ другихъ сочиненіяхъ Сенъ-Симона. Это объясняется означеннымъ на заглавіи сотрудничествомъ его ученика Августина Тьерри, которому очевидно принадлежитъ значительная часть этихъ мыслей.

Авторы обращаются съ воззваніемъ къ парламентамъ, англійскому и французскому. Они напоминаютъ, что до

[1]) De la Réorganisation de la Societé europeenne, ou de la necessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance nationale, par le comte de Saint-Simon et par A. Thierry, son élève. Octobre, 1814.

XVI вѣка римско-католическая религія съ стоящимъ во главѣ ея духовенствомъ служили связью всѣхъ европейскихъ народовъ. Римскій дворъ властвовалъ надъ князьями, какъ послѣдніе надъ народами. Лютеръ разорвалъ эту связь, и съ тѣхъ поръ, вмѣсто общей организаціи, водворились договорныя отношенія, установленныя Вестфальскимъ миромъ. Европа раздѣлилась на два лагеря, враждующихъ между собою. То, что называютъ системою политическаго равновѣсія, есть только состояніе постоянной напряженной энергіи, въ которомъ каждый заботится только о частныхъ своихъ интересахъ и которая ведетъ къ безпрерывнымъ войнамъ. Именно на этомъ состояніи внутреннихъ раздоровъ Англія основала свое могущество. Отдѣленная отъ материка, она могло устроиться, имѣя въ виду не обычаи и предразсудки, а то, что во всѣ времена должно составлять основаніе всякой конституціи — свободу и счастіе народа. Укрѣпившись такимъ образомъ внутри, она обратилась на внѣшнюю дѣятельность и сдѣлалась владычицею морей, подавляя у другихъ торговлю и мореходство, которыя она поощряла у себя. Но такое чудовищное преобладаніе не можетъ продолжаться. Не только интересъ всей Европы, но и собственный интересъ Англіи заставляетъ искать исхода изъ этого положенія. Онъ можетъ состоять только въ реорганизаціи всего европейскаго міра на новыхъ началахъ. Эта реорганизація была невозможна, пока Англія одна отрѣшилась отъ феодальнаго порядка и вступила на новый путь. Но теперь къ ней можетъ присоединиться и Франція, послѣ того какъ и она получила свободныя учрежденія. Обѣ либеральныя націи могутъ соединить свои силы для того, чтобы реорганизовать Европу. Въ чемъ должно состоять это новое устройство? (II, стр. 259—264).

Въ настоящее время въ Вѣнѣ собранъ конгрессъ, который долженъ умиротворить Европу. Но цѣль эта не будетъ достигнута, ибо каждое государство является здѣсь съ своими частными интересами, и нѣтъ никого, кто бы представлялъ интересы общіе всѣмъ. Установить миръ путемъ

трактатовъ такъ же невозможно, какъ устроить общество путемъ соглашеній, безъ высшей принудительной власти, сдерживающей частныя воли. Всякая политическая организація имѣетъ свои основныя начала, безъ которыхъ она не можетъ существовать и дать то, чего отъ нея ожидаютъ. Организація, имѣющая въ виду связать разные народы, сохраняя каждому свою самостоятельность, должна быть основана на слѣдующихъ началахъ: 1) она должна быть *систематически однородна*, то-есть, всѣ учрежденія должны вытекать изъ единаго понятія, а потому правительство на всѣхъ ступеняхъ должно имѣть одинакую форму. 2) Общее правительство должно быть совершенно независимо отъ національныхъ. 3) Члены общаго правительства должны быть, по самому своему положенію, принуждены заниматься спеціально общими интересами. 4) Они должны опираться на силу, лежащую въ нихъ самихъ и совершенно независимую отъ какой бы то ни было посторонней; эта сила есть общественное мнѣніе. На этихъ началахъ строилась въ средніе вѣка папская власть, и это составляло ея могущество. Но нынѣ она потеряла свое значеніе, и учрежденія, на которыя она опиралась, обнаружили коренные свои недостатки. Въ настоящее время требуется иная организація, приспособленная къ измѣнившимся потребностямъ. Чтобы достигнуть ея, нужно къ означеннымъ четыремъ началамъ присоединить слѣдующія три условія: 1) чтобы наилучшая возможная конституція была приложена и къ общему правленію и къ частнымъ; 2) чтобы члены общаго правленія принуждены были, силою вещей, работать на общую пользу; 3) чтобы сила ихъ въ общественномъ мнѣніи была основана на отношеніяхъ, которыя ничто не можетъ поколебать и которыя имѣли бы значеніе для всѣхъ мѣстъ и временъ (кн. I, 2. I—III, стр. 265—275).

Существуетъ ли образъ правленія хорошій по самой своей природѣ, основанный на началахъ достовѣрныхъ, абсолютныхъ, всемірныхъ, независимыхъ отъ времени и мѣста? Для рѣшенія этого вопроса не нужно прибѣгать къ тѣмъ или

другимъ частнымъ соображеніямъ, что ведетъ только къ нескончаемымъ спорамъ. Надобно опираться на тѣ начала, на которыхъ основана достовѣрность всякаго доказательства: на размышленіе и опытъ. Всѣ науки представляютъ рядъ вопросовъ, правильное рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ приложенія къ нимъ научной методы, то-есть общаго способа дѣйствія разума, независимаго отъ свойства предметовъ. Только черезъ это наука становится положительною и рѣшенія получаютъ характеръ достовѣрности. До сихъ поръ научная метода не примѣнялась къ политическимъ вопросамъ: отсюда шаткость рѣшеній (гл. IV, 275—6).

Если подъ именемъ конституціи разумѣть систему общественнаго порядка, направленную къ общему благу, то наилучшая будетъ та, въ которой учрежденія организованы такъ, что всякій вопросъ общаго блага обсуждается въ нихъ самымъ основательнымъ и всестороннимъ образомъ. Но вопросъ общаго блага, черезъ то самое, что это вопросъ, долженъ рѣшаться, какъ и всѣ другіе. Для рѣшенія его въ логикѣ существуютъ два метода, или, лучше сказать, одна метода, заключающая въ себѣ два дѣйствія: анализъ и синтезъ. Съ одной стороны, вопросъ разсматривается въ его совокупности, или апріори, съ другой стороны, онъ разлагается на подробности и разсматривается апостеріори. Одинъ путь служитъ провѣркою другого: результаты, полученные синтезомъ, провѣряются анализомъ и обратно. Отсюда слѣдуетъ, что наилучшая конституція будетъ та, въ которой всякій вопросъ, касающійся общихъ интересовъ, послѣдовательно разсматривается апріори и апостеріори, или, что то же самое, съ точки зрѣнія общаго интереса и частныхъ. Какъ же это устроить? Для этого нужно, чтобы существовали двѣ раздѣльныя власти, изъ которыхъ одна всегда разсматривала вопросы съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народа, а другая съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ входящихъ въ составъ его лицъ. Первую можно назвать *властью общихъ интересовъ*, вторую *властью частныхъ* или *мѣстныхъ интересовъ*. Всякое рѣшеніе

тогда только получаетъ силу, когда оно одобрено обѣими. Равновѣсіе этихъ двухъ властей составляетъ такимъ образомъ основаніе всякой правильной конституціи. Но для того, чтобы это равновѣсіе могло поддерживаться, необходима третья власть, *направляющая* или *умѣряющая*. Она, въ свою очередь, должна имѣть право разсматривать каждый вопросъ, исправлять недостатки, отвергать то, что она считаетъ вреднымъ, и предлагать новыя рѣшенія. Доброта основанной на этихъ началахъ конституціи также достовѣрна, также абсолютна и также всеобща, какъ правильный силлогизмъ (стр. 276—9).

И это построеніе не есть только плодъ фантазіи. Столѣтній опытъ подтверждаетъ эти взгляды. Этимъ способомъ одинъ изъ европейскихъ народовъ сдѣлался самымъ свободнымъ и самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ. Такова именно англійская конституція. Англія управляется парламентомъ, состоящимъ изъ трехъ властей: короля, палаты общинъ и палаты лордовъ. Король представляетъ власть общихъ интересовъ, которые, въ видахъ хорошаго управленія, должны быть сосредоточены въ однихъ рукахъ. Стоя выше всякихъ частныхъ связей, будучи заинтересованъ въ величіи и славѣ народа, которая есть его собственная, онъ можетъ имѣть въ виду только общую пользу. Въ законодательствѣ ему принадлежитъ только право иниціативы и отверженія, ибо законъ долженъ быть обсужденъ всесторонне; исполненіе же принадлежитъ ему всецѣло, ибо тутъ требуется единство. Съ своей стороны палата общинъ, составленная изъ представителей различныхъ мѣстностей и корпорацій, обсуждаетъ вопросы съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ. И ей принадлежитъ право иниціативы и отверженія, такъ что ни одинъ законъ не можетъ получить силы безъ содѣйствія обѣихъ властей. Наконецъ, палата лордовъ, какъ корпорація людей, имѣющихъ значительную силу въ общественномъ мнѣніи, своимъ рожденіемъ, заслугами и богатствомъ, играетъ роль умѣрителя. Она воздерживаетъ естественное стремленіе лицъ и корпорацій къ безгра-

ничной власти и тѣмъ охраняетъ требуемое равновѣсіе (гл. V).

Этимъ не ограничиваются гарантіи хорошаго управленія. Королевская власть наслѣдственна, чѣмъ обезпечивается преемственный переходъ безъ потрясеній, но не обезпечивается способность лица. Для устраненія этого недостатка, королевская власть раздѣлена на двѣ части, различныя по своей природѣ: одной присвоены величіе и почести, составляющія принадлежность верховной власти, другой ввѣряется управленіе дѣлами. Первая принадлежитъ царствующей династіи, вторая находится въ рукахъ перваго министра, поддержаннаго большинствомъ выборной палаты. Этимъ способомъ сочетаются выгоды наслѣдственности и выбора, безъ присущихъ имъ недостатковъ. Такова англійская конституція, которая, дѣйствуя болѣе столѣтія, сдѣлала Англію самымъ свободнымъ, самымъ богатымъ, самымъ опытнымъ въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ и самымъ могущественнымъ изъ европейскихъ народовъ (гл. VI, VII).

Эту конституцію авторъ брошюры хочетъ приложить ко всѣмъ европейскимъ государствамъ. Европа имѣла бы наилучшую возможную организацію, если бы всѣ входящіе въ составъ ея народы управлялись парламентами, на подобіе англійскаго, и всѣ подчинялись бы общему парламенту, облеченному властью судить ихъ распри (кн. II, гл. I). Для этого нужны въ самомъ обществѣ двоякаго рода стремленія. Мѣстные парламенты могутъ опираться только на патріотизмъ, выводящій человѣка изъ ограниченной сферы частныхъ интересовъ и направляющій волю его ко благу отечества. Точно также и общій парламентъ можетъ дѣйствовать, только когда есть воля общая всѣмъ его членамъ, а таковая можетъ проистекать единственно изъ того, что можно назвать европейскимъ патріотизмомъ, то-есть, изъ взглядовъ и чувствъ, выходящихъ изъ узкихъ рамокъ національныхъ интересовъ. Поэтому въ палату депутатовъ могутъ быть допущены только лица, способныя пріобрѣсти надлежащую ширину взглядовъ. Таковы тор-

говцы, ученые, судьи, администраторы. Отъ каждаго милліона лицъ, умѣющихъ читать и писать въ Европѣ, должно быть по одному депутату, каждаго изъ этихъ частныхъ разрядовъ, при чемъ всякій членъ палаты долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, 25000 франковъ дохода съ поземельной собственности. Прочную опору всякаго правительства составляетъ собственность, но только когда она соединяется съ просвѣщеніемъ. Необходимо поэтому, чтобы государство пріобщало къ собственности тѣхъ изъ несобственниковъ, которые отличаются талантами. Иначе талантъ, который есть высшая сила, скоро поработитъ собственность. Въ этихъ видахъ, при каждомъ выборѣ, двадцать изъ самыхъ талантливыхъ не-собственниковъ, принадлежащихъ къ означеннымъ выше четыремъ категоріямъ, должны быть пріобщены къ палатѣ депутатовъ и надѣлены поземельною рентой въ 25000 франковъ. Точно также и въ палатѣ перовъ должны быть двадцать членовъ изъ людей или потомковъ людей, наиболѣе отличавшихся талантами и заслугами, съ надѣленіемъ ихъ соотвѣтствующею ихъ должности собственностью—члены палаты перовъ должны имѣть 500000 франковъ поземельнаго дохода. Они назначаются корлемъ безъ ограниченія числа. Званіе ихъ наслѣдственно (гл. II и III).

Что касается до выбора короля, котораго должность предполагалась наслѣдственною, то, сознавая, что этотъ вопросъ, по своей выдающейся важности, требуетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія, авторы отложили обсужденіе его до другого мемуара, который долженъ былъ явиться позднѣе. По ихъ плану, король первый долженъ былъ вступить въ должность и созвать великій парламентъ (гл. IV). Однако, это новое сочиненіе не было написано, изъ чего ясно, что они своему плану не придавали практическаго значенія.

И точно, они прямо высказывали, что установленіе общеевропейскаго парламента возможно только когда всѣ европейскіе народы водворятъ у себя парламентское правленіе, а это время еще очень отдаленно. Пока же можно огра-

ничиться учрежденіемъ общаго парламента для тѣхъ народовъ, которые уже ввели у себя этотъ образъ правленія. Таковы Англія и Франція. Соединенныя эти государства превосходятъ силою всѣ остальныя, которыя мало-по малу къ нимъ примкнутъ, безъ потрясеній и безъ революцій. Интересы же обоихъ народовъ побуждаютъ ихъ соединиться. Только этимъ способомъ Англія можетъ предупредить неминуемое банкротство и обезпечить спокойный переходъ правленія отъ торіевъ къ вигамъ. Франція же найдетъ въ общемъ парламентѣ опору противъ грозящей ей новой революціи, которая будетъ послѣдствіемъ неудовольствія, распространеннаго во всѣхъ концахъ. Но такъ какъ Англія при этомъ должна все-таки пожертвовать своимъ первенствующимъ положеніемъ, а съ другой стороны она имѣетъ несравненно болѣе опытности въ парламентской политикѣ, то двѣ трети выборныхъ мѣстъ должны принадлежатъ англичанамъ, а одна треть Французамъ. Революція готовится и въ Германіи, гдѣ происходитъ сильное броженіе либеральныхъ идей. Избѣгнуть ея она можетъ только примкнувши къ двумъ первымъ державамъ, въ которыхъ она найдетъ надлежащую опору. По своему центральному положенію, а еще болѣе по возвышенному и благородному характеру народа, Германія призвана играть первую роль въ Европѣ, какъ скоро она будетъ соединена подъ либеральнымъ правленіемъ. Поэтому первою задачею англо-французскаго парламента должно бытъ ускореніе реорганизаціи Германіи на парламентскихъ началахъ (кн. III). „Воображеніе поэтовъ, — заключаютъ авторы, — положило золотой вѣкъ въ колыбели человѣческаго рода, среди невѣжества и грубости первыхъ временъ; туда скорѣе слѣдовало бы отнести желѣзный вѣкъ. Золотой вѣкъ человѣчества не позади, а впереди насъ, онъ состоитъ въ совершенствѣ общественнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти когда-нибудь къ нему придутъ; наша же задача состоитъ въ томъ, чтобы пролагать имъ дорогу“ (заключеніе).

Такова странная смѣсь политическихъ взглядовъ и фантастическихъ мечтаній, которыя вышли изъ подъ пера учителя и ученика. Очевидно, ихъ союзъ не могъ долго держаться; и точно, они скоро разошлись. Сенъ-Симонъ продолжалъ развивать свои утопіи, а Августинъ Тіерри пошелъ своею дорогой, на которой онъ стяжалъ неувядаемую славу. Однако, слѣды сотрудничества не исчезли совершенно. У учителя и ученика осталась одна общая мысль, а именно, историческій союзъ французской монархіи съ промышленнымъ сословіемъ. Со времени возвращенія Бурбоновъ эта мысль легла въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ Сенъ-Симона. Прежнее безграничное поклоненіе Наполеону смѣнилось совершенно противоположными взглядами. Уже въ брошюрѣ о *Реорганизаціи европейскаго общества* говорилось: „кто не былъ возмущенъ тираніею, отъ которой Франція была избавлена, и кто не почувствовалъ радости, видя сыновей Людовика XII-го и Генриха IV-го, приносящихъ намъ изъ долгой ссылки вмѣстѣ съ добродѣтелями своихъ предковъ учрежденія, приспособленныя къ нашему просвѣщенію?“ (стр. 308). Въ 1815 году, при возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Сенъ-Симонъ обратился съ воззваніемъ къ своимъ согражданамъ, въ которомъ онъ писалъ: „на нашихъ границахъ появился человѣкъ, который десять лѣтъ угнеталъ Францію всѣми излишествами военнаго деспотизма; этотъ человѣкъ былъ низвергнутъ съ престола нашею единодушною волею, и онъ осмѣливается еще хотѣть царствовать надъ нами! И онъ смѣетъ мечтать, что мы присоединимся къ нему противъ самихъ себя! Неужели онъ думаетъ, что прошедшая тираннія даетъ право на новую тираннію? Думаетъ ли онъ, что предоставленный себѣ народъ во второй разъ будетъ рисковать своею свободою? Думаетъ ли онъ, что мы забудемъ то, чѣмъ онъ былъ, то, что мы есмь, и то, чѣмъ мы хотимъ быть?“... „Первое желаніе француза то, чтобы Франція была свободна, второе, чтобы она умѣла долго быть таковою, третье, чтобы она была свободна подъ управленіемъ Бур-

боновъ. Это не дѣло династій, которое мы защищаемъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло народа, это—дѣло нашихъ правъ и нашей свободы" (II, стр. 332, 333). Когда же Наполеонъ вступилъ въ Парижъ и созвалъ такъ называемое *Майское поле*, Сенъ-Симонъ, опять въ сотрудничествѣ съ Тіерри, обратился къ французскому народу съ *Мнѣніемъ на счетъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты противъ коалиціи* (Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815. II, стр. 335 слѣд.). Единственный исходъ они видѣли въ тѣсномъ союзѣ съ Англіей, но не правительствъ, а народовъ. Они увѣщевали имѣющихъ собраться представителей народа объявить себя учредительнымъ собраніемъ и при этомъ постановить, что они не признаютъ законнымъ никакого присоединенія къ Франціи, иначе какъ съ согласія обѣихъ сторонъ, удостовѣреннаго именными подписями. Какъ извѣстно, битва при Ватерлоо положила всему этому конецъ.

Скоро Сенъ-Симонъ совершенно отказался отъ англійской конституціи. Въ 1818 году, во *Взглядахъ на собственность и законодательство* (Vues sur la propriété et la législation), изданныхъ съ эпиграфомъ: „все для промышленности, все черезъ нее" [1]), онъ писалъ что англійская конституція могла быть предметомъ зависти и удивленія, пока французы, блуждая въ лабиринтѣ революціи или закованные въ цѣпяхъ деспотизма, неспособны были ничего видѣть и ничего произвесть умѣреннаго или смѣлаго; но теперь, когда революція успокоилась и деспотизмъ исчезъ, легкомысленное преклоненіе передъ англійской конституціей, возникшей болѣе ста лѣтъ тому назадъ, было бы только новою преградою движенію впередъ. Теперь подражать Англіи значило бы отодвинуться на цѣлое столѣтіе назадъ. Съ тѣхъ поръ наша собственная цивилизація значительно подвинулась; явились новыя понятія и новыя потребности. Мы можемъ благословлять хартію, которая дала намъ внутренній

[1]) Oeuvres de St. Simon, publiées par Olinde Rodrigues, стр. 241 и слѣд.

міръ; но мы не должны думать, что революція этимъ покончена и что всѣ вопросы этимъ разрѣшаются. Вообще, мы придаемъ слишкомъ большое значеніе формамъ правленія, между тѣмъ какъ подъ однимъ и тѣмъ же образомъ правленія положеніе управляемыхъ можетъ быть весьма различно. Достаточно въ этомъ отношеніи сравнить Турцію съ Даніей: оба эти государства находятся подъ неограниченною властью, а между тѣмъ въ Даніи народъ благоденствуетъ, въ Турціи же онъ страдаетъ подъ самымъ невыносимымъ гнетомъ. Причины этого различія нетрудно доискаться, если мы обратимъ вниманіе на то, что датскій король одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ, а султанъ самый богатый изъ всѣхъ, ибо онъ одинъ собственникъ всего имущества подданныхъ. Это доказываетъ, что образъ правленія имѣетъ гораздо меньшее вліяніе на счастіе подданныхъ, нежели законъ, опредѣляющій права собственности. Это не значитъ, что первый не имѣетъ никакого значенія: безъ сомнѣнія, парламентское правленіе есть лучшее изъ всѣхъ. Но это не болѣе какъ форма; собственность же есть основа. Слѣдовательно, ея *конституція* служитъ основаніемъ всего общественнаго зданія. Поэтому важнѣйшій вопросъ, который требуется разрѣшить, состоитъ въ томъ: какъ должна быть установлена собственность для наибольшаго блага цѣлаго общества, въ отношеніи свободы и богатства? (стр. 253—8). Право собственности безспорно составляетъ единственную основу, на которой можно основать политическое общество; но форма этого права можетъ измѣняться и совершенствоваться сообразно съ развитіемъ человѣчества. Опредѣленіе этой формы вполнѣ зависитъ отъ законодателя, ибо личное право собственности можетъ быть основано только на общественной пользѣ, а эта польза можетъ измѣняться съ теченіемъ времени (стр. 265—6).

Пока потребители, говоритъ Сенъ-Симонъ, будутъ составлять большинство собраній, они всегда будутъ издавать законы наиболѣе для нихъ выгодные, то-есть, несмотря на парламентскія формы, правленіе будетъ произвольное.

Напротивъ, когда промышленники, то-есть люди наиболѣе заинтересованные въ свободѣ и бережливости, будутъ одни имѣть право подавать голоса въ установленіи налоговъ, они будутъ давать только то, что хотятъ, слѣдовательно, будутъ пользоваться полнотою своихъ правъ; что же нужно сдѣлать для того, чтобы произвести этотъ переворотъ? (стр. 258—9).

Сенъ-Симонъ указываетъ на существенное различіе между промышленностью обрабатывающей и земледѣльческой. Въ первой, такъ же какъ и въ торговлѣ, работникъ, то-есть хозяинъ, ведущій предпріятіе, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію, занимаетъ деньги и платитъ подати. Въ земледѣліи, напротивъ, работникъ, то-есть фермеръ, является подчиненнымъ лицомъ: онъ не можетъ распоряжаться землею и занимать подъ залогъ ея деньги; не онъ платитъ подати и пользуется сопряженными съ этимъ правами. Все это принадлежитъ праздному хозяину. Причину этой разницы Сенъ-Симонъ видитъ въ томъ, что право поземельной собственности, не смотря на всѣ послѣдующія измѣненія, идетъ отъ первоначальнаго завоеванія Галліи Франками; право же промышленной собственности получило свое начало отъ свободнаго договора при освобожденіи общинъ. Средство уничтожить это несправедливое и вредное различіе состоитъ въ томъ, чтобы дать фермерамъ такія же права, какими пользуются фабриканты и торговцы; они должны получить право занимать деньги подъ залогъ имѣній, и если собственникъ на это не согласится, то третейскій судъ долженъ рѣшить, полезенъ ли заемъ или нѣтъ? Съ тѣмъ вмѣстѣ, законъ долженъ облегчить всякіе переходы земель изъ рукъ въ руки; поземельная собственность должна сдѣлаться столь же подвижной, какъ и движимая. Наконецъ, на фермеровъ должна быть возложена и уплата податей, на томъ основаніи, что тотъ, кто своею работою дѣлаетъ собственность производительною, есть тотъ, который исполняетъ обязанности, наложенныя на собственника общественною пользою, слѣдовательно, онъ

долженъ пользоваться и правами, вытекающими изъ собственности и даруемыми тѣмъ, которые несутъ связанныя съ нею тягости. Этимъ способомъ вся общественная власть перейдетъ въ руки промышленниковъ, и праздные люди будутъ поставлены ниже работниковъ (стр. 262—277). Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, дастъ необыкновенный подъемъ земледѣлію, котораго произведенія составляютъ семь восьмыхъ всего промышленнаго производства Франціи (гл. IV). Съ другой стороны, съ упрощеніемъ законовъ о поземельной собственности значительно сократится число тяжбъ и уменшится значеніе юристовъ, составляющее общественное бѣдствіе для Франціи. Вмѣсто гражданскихъ судовъ установятся для всѣхъ дѣлъ суды подобные коммерческимъ, которые несравненно дешевле и имѣютъ болѣе характеръ третейскихъ (гл. V, VI).

Сенъ-Симонъ подкрѣпляетъ эти выводы взглядомъ на постепенный ростъ промышленнаго класса, который нынѣ фактически составляетъ первенствующую силу въ обществѣ. Если до сихъ поръ онъ не достигъ еще политическаго владычества и находится еще въ зависимости отъ феодальной аристократіи, то причина этого явленія заключается въ томъ, что онъ не пришелъ къ сознанію своихъ началъ. Но и этотъ недостатокъ былъ наконецъ устраненъ безсмертнымъ сочиненіемъ Адама Смидта, котораго изслѣдованія были восполнены работами Сея. Теперь политическая экономія стоитъ на твердой почвѣ; остается только найти законное средство перевести политическую власть въ руки промышленнаго класса. Это и достигается предложенными мѣрами (гл. VII).

Безполезно распространяться о томъ, что никакого практическаго значенія эти мѣры не могли имѣть. Приравненіе поземельной собственности къ движимой показываетъ только полное непониманіе существа той и другой. Ни Адамъ Смидтъ, ни Сей не могли предлагать ничего подобнаго. Любопытно только, что въ эту пору Сенъ-Симонъ не шелъ далѣе экономическаго индивидуализма, на которомъ была

построена вся система великихъ основателей экономической науки. Впослѣдствіи собственное его ученіе и еще болѣе ученіе его школы явились полнымъ отрицаніемъ этихъ началъ.

На этомъ Сенъ-Симонъ не остановился. Онъ начерталъ цѣлый планъ реорганизаціи общества, предвѣщая Бурбонамъ участь Стюартовъ, если они его не примутъ, ибо это единственный способъ избавить ихъ отъ неминуемой революціи. Въ 1819 году онъ началъ издавать рядъ писемъ подъ общимъ заглавіемъ *Организаторъ*, въ которыхъ излагались его взгляды на этотъ предметъ. Онъ предпослалъ имъ общій Обзоръ, гдѣ доказывалъ, что доселѣ политическая литература ограничивалась критикою прошлаго, а потому могла продлить только разрушеніе. Истинная же задача должна состоять въ замѣнѣ старой системы, воздвигнутой во времена варварства и невѣжества, совершенно новою, основанною на наблюденіи, но вытекающей, какъ цѣльное зданіе, изъ единаго начала. Такую систему намѣревается представить Сенъ-Симонъ.

Онъ отправляется отъ положенія, что до сихъ поръ правительства смотрѣли на народы, какъ на свое достояніе, полученное ими отъ Бога. Даже когда что-нибудь дѣлалось для пользы народа, это разсматривалось, какъ даръ правителей. Въ новѣйшее время, однако, выдвинулось другое начало, а именно, что правители суть только администраторы общества, обязанные направлять его сообразно съ интересами и волею управляемыхъ, однимъ словомъ, что счастіе управляемыхъ составляетъ единственную цѣль общественной организаціи. Это начало, провозглашенное управляемыми, было признано и правителями однако лишь совмѣстно съ первымъ, и съ сихъ поръ оно не могло принести надлежащихъ плодовъ, потому что оставалось совершенно неопредѣленнымъ. Признается, что правители обязаны работать для счастія общества; но въ чемъ состоятъ средства, ведущія къ счастію, объ этомъ нѣтъ никакого опредѣленнаго мнѣнія. Самимъ правителямъ предоставляет-

ся не только вести къ этой цѣли, но и опредѣлять эту цѣль; а они, по естественной наклонности человѣческой природы, считаютъ счастіемъ то, что имъ самимъ пріятно или выгодно. Такимъ образомъ, управляемые совершенно отданы во власть правителей. Между тѣмъ, всякій здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что счастіе людей заключается въ удовлетвореніи ихъ физическихъ и нравственныхъ потребностей, а единственные къ этому пути состоятъ въ развитіи наукъ, искусствъ и ремеслъ. Поэтому, единственная полезная людямъ дѣятельность принадлежитъ къ одной изъ этихъ трехъ отраслей; внѣ этого существуютъ только паразиты и господа. Отсюда слѣдуетъ, что въ новой общественной организаціи единственная цѣль должна состоять въ развитіи научныхъ и техническихъ знаній и въ приложеніи ихъ къ удовлетворенію потребностей человѣка. Въ такомъ обществѣ опредѣленіе цѣли принадлежитъ уже самимъ управляемымъ, а не правителямъ, которыхъ задача ограничивается шествіемъ по указанному пути. Всѣ вопросы, касающіеся какихъ-либо полезныхъ предпріятій, будутъ обсуждаться съ научной точки зрѣнія свѣдущими людьми; правительству же остается только исполнять. Къ такимъ подчиненнымъ обязанностямъ принадлежитъ и охраненіе внѣшняго порядка, которое нынѣ играетъ первенствующую роль. Вообще, правленіе, въ смыслѣ повелѣнія, будетъ доведено до наименьшихъ размѣровъ, и люди будутъ наслаждаться наибольшею возможною въ общественной жизни свободою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, управленіе будетъ меньше всего стоить, когда оно будетъ ввѣрено ученымъ, художникамъ и ремесленникамъ, ибо эти разряды людей менѣе всего ищутъ богатства и менѣе всего склонны повелѣвать, предоставляя, вообще, руководительство работами подчиненнымъ лицамъ (II, стр. 365—384).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ Сенъ-Симонъ публиковалъ знаменитую свою притчу, за которую онъ подвергся судебному преслѣдованію. Предположимъ, писалъ онъ, что Франція внезапно лишилась бы своихъ пятидесяти пер-

выхъ физиковъ, пятидесяти первыхъ химиковъ, пятидесяти первыхъ физіологовъ, математиковъ, поэтовъ, живописцевъ, ваятелей, музыкантовъ и литераторовъ; пятидесяти первыхъ механиковъ, инженеровъ, артиллеристовъ, архитекторовъ, медиковъ, хирурговъ, банкировъ, двухсотъ первыхъ торговцевъ, шести сотъ первыхъ сельскихъ хозяевъ, по пятидесяти первыхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ каждаго рязряда; въ итогѣ трехъ тысячъ первыхъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ Франціи. Такъ какъ эти люди суть первые производители, направляющіе самыя полезныя работы, тѣ, которые наиболѣе содѣйствуютъ славѣ и благоденствію страны, то безъ нихъ народъ остался бы, какъ тѣло безъ души; онъ немедленно понизился бы на низшую ступень въ сравненіи съ своими соперниками. Нужно было бы, по крайней мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, чтобы поправить это бѣдствіе, ибо природа не щедра на выдающіяся способности. Но сдѣлаемъ другое предположеніе: представимъ себѣ, что Франція имѣла бы несчастіе внезапно лишиться всѣхъ принцевъ крови, всѣхъ первыхъ чиновъ Двора, всѣхъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, маршаловъ, кардиналовъ, епископовъ, викаріевъ, префектовъ и подъпрефектовъ, чиновниковъ министерствъ, судей и сверхъ того десяти тысячъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Безъ сомнѣнія, французы были бы очень огорчены, ибо они имѣютъ доброе сердце, но политическаго вреда отъ этого не произошло бы никакого, ибо всѣ эти мѣста легко могутъ быть заняты другими. Есть множество французовъ, которые съ такимъ же достоинствомъ могли бы играть роль принцевъ крови; передніе дворца наполнены придворными, готовыми занять мѣста первыхъ чиновъ; въ арміи есть множество военныхъ, столь же способныхъ, какъ и нынѣшніе маршалы, множество подчиненныхъ, которые стоятъ нынѣшнихъ министровъ, множество адвокатовъ, которые столь же хорошіе юристы, какъ и судьи, множество священниковъ столь же способныхъ, какъ кардиналы и викаріи; что касается до десяти тысячъ крупныхъ собственниковъ, то наслѣдники

ихъ не будутъ нуждаться ни въ какомъ приготовленіи, чтобы принимать въ своихъ салонахъ такъ же хорошо, какъ они. Благоденствіе Франціи зависитъ отъ успѣховъ наукъ, искусствъ и ремеслъ; между тѣмъ, всѣ означенныя во второмъ разрядѣ лица не только не содѣйствуютъ этимъ успѣхамъ, а, напротивъ, наносятъ имъ вредъ, ибо они всячески стараются дать гипотетическимъ теоріямъ преобладаніе надъ положительными знаніями; они лишаютъ ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ того первенствующаго положенія, которое по справедливости имъ принадлежитъ; они не только употребляютъ свои средства безполезнымъ образомъ, но ежегодно взимаютъ съ народа 300 или 400 милліоновъ податей въ видѣ жалованій, пенсій и проч. Эти предположенія ясно показываютъ всѣ несовершенства нынѣшней общественной организаціи, въ которой управляются еще насиліемъ и обманомъ, и человѣческій родъ погруженъ еще въ безнравственность, ибо ученые, художники и ремесленники, которыхъ труды суть единственные положительно полезные обществу, идутъ за правителями, которые вообще суть только болѣе или менѣе неспособные рутинисты; ибо распредѣлители почестей и наградъ вообще обязаны своимъ положеніемъ только рожденію, лести, интригамъ и другимъ мало уважительнымъ дѣйствіямъ; ибо тѣ, которымъ ввѣрено управленіе общественными дѣлами, дѣлятъ между собою половину податей, а изъ остального не употребляютъ и трети на полезныя народу предпріятія. Нынѣшнее общество есть поистинѣ извращенный міръ, ибо бѣдные ежедневно лишаются части необходимыхъ вещей для того, чтобы умножить избытокъ богатыхъ; ибо величайшіе сановники, крупные воры, которые притѣсняютъ совокупность гражданъ ежегодно и берутъ съ нихъ 300 или 400 милліоновъ, уполномочены наказывать маленькіе проступки противъ общества; ибо невѣжество, предразсудки, лѣнь и склонность къ дорогимъ удовольствіямъ составляютъ принадлежность высшихъ слоевъ общества, тогда какъ способные, бережливые и трудолюбивые люди употребляются

какъ подчиненные или орудіе; ибо, однимъ словомъ, во всѣхъ родахъ занятій неспособные начальствуютъ надъ способными; безнравственные люди должны направлять гражданъ къ добродѣтели и главнымъ виновникамъ поручается наказаніе мелкихъ проступковъ (II, стр. 395—401).

Эта притча была сочтена оскорбленіемъ особъ королевской фамиліи, и Сенъ-Симонъ былъ преданъ суду. Тогда онъ обратился къ присяжнымъ съ письмами, въ которыхъ объяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду вовсе не лица, а учрежденія. Онъ хотѣлъ наглядным примѣромъ доказать, что старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ, а новый еще не организовался. Къ Бурбонамъ онъ вовсе не питаетъ враждебнаго чувства, а напротивъ, вполнѣ признаетъ историческое ихъ призваніе и готовъ всякому доказать, что въ теченіе восьми вѣковъ, отличительною чертою политическаго ихъ характера была доброта, то-есть, покровительство общинамъ противъ аристократіи. Съ Гуго Капета до Людовика XIV-го, всѣ Бурбоны опирались на вѣрныя общины; съ ихъ помощью они побороли и папскую власть и феодализмъ. Но при Людовикѣ XIV-мъ, когда королевская власть достигла высшей степени своего могущества, она измѣнила своей прежней политикѣ и соединилась съ своими старыми врагами противъ союзниковъ; она стала поддерживать дворянство и духовенство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они признали короля источникомъ своихъ правъ и дозволили ему полновластно распоряжаться общинами. Та же система продолжалась и при преемникахъ Людовика XIV-го, и это именно вызвало революцію. И теперь тоже направленіе представляетъ главную опасность для Бурбоновъ. Кто имъ преданъ, тотъ обязанъ имъ ее указать. Къ прежней ошибкѣ присоединилась другая: король принялъ подъ свое покровительство не только старую аристократію, но и новую, созданную Бонапартомъ, между тѣмъ какъ послѣдняя стремится только къ тому, чтобы свергнуть ихъ съ престола и поставить короля изъ своей среды. Если эта политика не измѣнится, то Бурбоны падутъ, и на мѣсто ихъ водворится

владычество новой аристократіи, опирающейся на общины. Но послѣднія, въ свою очередь, извѣдаютъ, что такое военный либерализмъ и возмутятся противъ новой аристократіи; вслѣдъ за первою, произойдетъ вторая революція. Избѣгнуть всѣхъ этихъ переворотовъ можно только однимъ способомъ: надобно, чтобы король соединился съ общинами противъ обѣихъ аристократій. Для этого необходимо немедленно принять слѣдующія мѣры: 1) обратиться къ ученымъ и художникамъ, входящимъ въ составъ института, съ порученіемъ представить его величеству соображенія о тѣхъ политическихъ мѣрахъ, которыя будутъ наиболѣе полезны и пріятны трудящемуся населенію Франціи; 2) обратиться къ французскому банку и къ промышленнымъ и торговымъ палатамъ съ требованіемъ представить его величеству мнѣніе о способахъ уменьшить тяжесть податей безъ ущерба для государственнаго хозяйства, и управлять ими наиболѣе экономнымъ образомъ. Если эти мѣры будутъ приняты, говоритъ Сенъ-Симонъ, я ручаюсь за то, что королевская власть будетъ упрочена въ рукахъ Бурбоновъ на все время ея существованія. Иначе они не продержатся и года (II, стр. 395 и слѣд.).

Присяжные оправдали автора, и это преслѣдованіе привлекло къ нему еще большее вниманіе публики. Онъ съ еще большею ревностью принялся за разработку своихъ плановъ. Въ 1822 г. онъ обратился къ королю съ письмомъ, возвѣщая ему, что въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ сдѣлано великое открытіе, столь же важное, какъ всемірное тяготѣніе въ области наукъ естественныхъ, открытіе, которое дастъ Его Величеству возможность водворить свокойствіе въ его державѣ, организовавъ народъ на началахъ приспособленныхъ къ состоянію его образованія (II, стр. 438). Это открытіе состояло въ противоположеніи старой системѣ новой. Первая имѣла въ виду главнымъ образомъ усиленіе власти и упроченіе владычества высшихъ классовъ надъ низшими, что и было неизбѣжно, пока послѣднія были погружены въ полное невѣ-

жество. Но нынѣ, съ развитіемъ и распространеніемъ положительныхъ знаній, когда низшіе классы доказали свою способность управлять своими дѣлами, требуется иная политика, направленная къ пользѣ всѣхъ; охраненіе внѣшняго порядка получаетъ здѣсь только второстепенное значеніе. Этого не имѣло въ виду ни одно изъ существовавшихъ доселѣ правительствъ Франціи. Революція все низвергла и ничего не создала; она осталась при старой системѣ, и дѣйствіе правителей на управляемыхъ никогда не достигало такихъ размѣровъ, какъ именно въ эту эпоху. Истинный путь состоитъ въ содѣйствіи всѣмъ полезнымъ предпріятіямъ. Управленіе общественными дѣлами должно быть ввѣрено людямъ наиболѣе отличившимся въ наукахъ, въ художествахъ и въ промышленности. Такимъ образомъ, всякая произвольная власть исчезнетъ; всѣ привилегіи будутъ уничтожены и водворится полнѣйшее равенство, съ преобладаніемъ одной только способности. Съ тѣмъ вмѣстѣ Франція получитъ высшее изъ политическихъ благъ, состоящее въ томъ, чтобы быть управляемой какъ можно меньше и какъ можно дешевле. Этимъ прекратится и безплодная борьба существующихъ партій. Мѣсто ихъ заступитъ новая партія производителей, т.-е., съ одной стороны, ученыхъ и художниковъ, съ другой—земледѣльцевъ, фабрикантовъ и торговцевъ. Эти классы составляютъ истинное тѣло народа, и только ихъ совокупная дѣятельность можетъ предохранить короля и націю отъ грозящихъ имъ несчастій (II, стр. 436 и слѣд.).

Сенъ-Симонъ представилъ королю и проектъ указовъ, которые онъ долженъ издать для облегченія перехода отъ стараго порядка къ новому. Первымъ указомъ предписывается соединеннымъ классамъ института составить національный катехизисъ съ изложеніемъ элементарныхъ правилъ общественнаго устройства, а также и главныхъ законовъ матеріальнаго міра. Этотъ катехизисъ долженъ быть составленъ такъ, чтобы онъ могъ преподаваться по способу взаимнаго обученія. Съ этою цѣлью должно быть устроено

достаточное количество элементарныхъ школъ, для чего ассигнуется примѣрно двадцать милліоновъ франковъ ежегодно. Вторымъ указомъ, въ виду того, что самою крѣпкою связью общества служитъ общность признаваемыхъ началъ и знаній, что можетъ установиться только общностью преподаванія, институту ввѣряется общій надзоръ за народнымъ образованіемъ. Въ школахъ воспрещается преподавать что-либо противное національному катехизису. Этотъ надзоръ распространяется и на проповѣди служителей различныхъ вѣроисповѣданій. Всякій французъ можетъ пользоваться гражданскими правами, только выдержавъ экзаменъ въ катехизисѣ. Третьимъ указомъ, въ виду того, что изъ всѣхъ гражданъ главы промышленныхъ предпріятій наиболѣе заинтересованы въ охраненіи, а также и въ уменьшеніи податей и ихъ полезномъ употребленіи, такъ какъ притомъ веденіемъ своихъ дѣлъ они дали доказательства своей высшей административной способности, предписывается составленіе промышленнаго совѣта изъ торговой палаты, изъ общаго совѣта мануфактуръ, изъ директаровъ банка и изъ двѣнадцати важнѣйшихъ сельскихъ хозяевъ, входящихъ въ составъ земледѣльческаго совѣта; имъ поручается составленіе проекта государственнаго бюджета на слѣдующій годъ. Этотъ проектъ долженъ имѣть въ виду интересы большинства націи и клониться къ улучшенію его состоянія развитіемъ промышленности. Первые двѣ его статьи будутъ касаться народнаго образованія и обезпеченія работы тѣмъ, которые не имѣютъ другихъ средствъ существованія. Четвертымъ указомъ уничтожаются всѣ титулы и привилегіи дворянства. Пятымъ распускаются военные, домъ короля; служба его замѣняется національною гвардіей съ выборными начальниками. Наконецъ, шестымъ указомъ распускается палата депутатовъ и предписывается произвести новые выборы на основаніи отмѣненнаго закона 5-го февраля 1817 года. При этомъ король долженъ издать прокламацію къ народу, въ которой будетъ сказано, что „величайшая услуга, которую можетъ оказать народу ко-

ролевская власть въ настоящихъ обстоятельствахъ, состоитъ въ томъ, чтобы облечь себя диктатурой, съ цѣлью уничтожить синодальный и богословскій порядокъ и установить научный и промышленный строй. Временное сосредоточеніе всѣхъ политическихъ властей въ однихъ рукахъ есть мѣра, съ помощью которой всего скорѣе и легче можетъ совершиться этотъ переходъ. Радикальная перемѣна общественной системы можетъ произойти либо путемъ возмущеній, либо черезъ диктатуру; но несомнѣнно, что диктатура есть меньшее зло, нежели возмущеніе. Дѣйствіе неограниченной власти, при настоящихъ условіяхъ, принесетъ значительныя выгоды и не представляетъ большой опасности. Такъ какъ цѣль, къ которой диктаторъ долженъ направлять общество, ясно опредѣлена, то общественное мнѣніе не дозволяетъ ему уклоняться отъ намѣченнаго пути“ (III, стр. 43—58).

Спрашивается: зачѣмъ нужна диктатура, если общественное мнѣніе такъ сильно, что не дозволяется уклоненіе въ сторону? Но всѣ эти предложенія, очевидно, не болѣе какъ политическія фантазіи, лишенныя всякаго практическаго значенія.

Сенъ-Симонъ не ограничивался планами для будущаго общественнаго устройства. Сознавая, что такое общество, о какомъ онъ мечталъ, немыслимо безъ полнаго единенія мыслей и чувствъ, онъ въ это время болѣе и болѣе убѣждался въ необходимости новой религіи, основанной уже не на законѣ всемірнаго тяготѣнія, а на нравственныхъ началахъ. Онъ хотѣлъ создать новое христіанство, приспособленное къ современному просвѣщенію.

Впервые эта мысль высказывается въ *Воззваніи къ филантропамъ* (Adresse aux philanthropes), напечатанномъ въ 1821 году. Одушевляющая васъ страсть, говорилъ онъ имъ, ставитъ васъ въ первые ряды христіанъ; она даетъ вамъ право и налагаетъ на васъ обязанность бороться съ дурными страстями, какъ монарховъ такъ и народовъ. Ваши предшественники, первые христіане, основа-

ли общую нравственность, провозглашая божественный принципъ, что *всѣ люди друзья и должны любить и помогать другъ другу*. Но основанное на этомъ началѣ ученіе оставалось у нихъ отвлеченнымъ; вамъ принадлежитъ честь организовать согласно съ нимъ и свѣтскую власть, доказавъ князьямъ ихъ интересъ, такъ же какъ и долгъ, дать своимъ подданнымъ учрежденія, способствующія улучшенію быта многочисленнѣйшаго класса общества. Такъ поступали первые христіане. Въ силу ихъ убѣжденій христіанская религія сдѣлалась господствующею въ римской имперіи, и новый порядокъ заступилъ мѣсто разрушающагося древняго общества. Они совершили великій подвигъ, который долженъ служить примѣромъ. Нынѣ положеніе совершенно такое же, какъ и въ тѣ времена. Старыя учрежденія извратились, уклонившись отъ первоначальнаго своего назначенія. И духовенство, и аристократія, и королевская власть, и судьи, вмѣсто того, чтобы заботиться о судьбѣ обездоленной массы, думаютъ только о сохраненіи своего привилегированнаго положенія и вытягиваютъ изъ народа всѣ его соки. Тѣ ученія, которыми они руководятся, потеряли свое прежнее значеніе. Въ массахъ распространился эгоизмъ, составляющій послѣдствія духа завоеваній. Руководящіе государственными дѣлами политическіе метафизики въ лицѣ юристовъ, держатся законовъ, изобрѣтенныхъ во времена варварства и невѣжества. Нынѣ предстоитъ возрожденіе христіанства, возвращеніе къ чистой его морали, съ устраненіемъ всѣхъ вызванныхъ невѣжествомъ суевѣрій. Это и составляетъ вашу задачу въ будущемъ. Воздвигнется новая духовная власть, составленная первоначально изъ всѣхъ ученыхъ корпорацій; ей будетъ ввѣрено преподаваніе, основанное на чистой морали Евангелія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, совмѣщающее въ себѣ всѣ пріобрѣтенныя человѣчествомъ положительныя знанія. Рядомъ съ нею управленіе свѣтскими дѣлами перейдетъ въ руки предпринимателей мирныхъ работъ, которые будутъ заботиться объ охраненіи всеобщаго мира и о возможномъ уменьшеніи тяже-

стей. Такой порядокъ непремѣнно водворится, ибо, составляя послѣдствія провозглашеннаго Евангеліемъ братства людей, онъ отвѣчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересамъ многочисленнаго класса, а потому воля Божія, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы христіанскій міръ устроился на этихъ началахъ. Съ чисто человѣческой точки зрѣнія, этотъ порядокъ составляетъ естественное послѣдствіе уничтоженія рабства и преобладанія положительныхъ наукъ надъ богословіемъ и метафизикой. Къ этому ведетъ весь ходъ цивилизаціи, ибо умственныя и матеріальныя силы находятся ужс нынѣ въ рукахъ ученыхъ и промышленниковъ; аристократы же и богословы являются только остатками стараго быта, которые будутъ уничтожены дальнѣйшимъ движеніемъ. Этотъ переворотъ совершится не внѣшнимъ насиліемъ, а нравственною силой убѣжденія, руководителями которой будутъ филантропы. Они, такъ же, какъ и при основаніи христіанства, явятся непосредственными орудіями Всевышняго. Они убѣдятъ королей употребить данную имъ власть для произведенія нужныхъ политическихъ перемѣнъ и будутъ побуждать народы выразить князьямъ единодушное желаніе, чтобы общественныя дѣла были ввѣрены лицамъ, наиболѣе способнымъ направлять ихъ въ видахъ общей пользы (III, стр. 7 и слѣд.).

Такова была точка зрѣнія, на которой Сенъ-Симонъ окончательно остановился. Тутъ очевидно была двойственность направленія. Содѣйствіе промышленности восполнялось развитіемъ нравственныхъ началъ. Разработкѣ этихъ двухъ сторонъ предполагаемаго новаго общественнаго быта посвящены два послѣднія сочиненія Сенъ-Симона: *Катехизисъ промышленниковъ* и *Новое христіанство*. Въ нихъ его ученіе достигаетъ наибольшей полноты.

Катехизисъ промышленниковъ (Catéchisme des industriels), издавался отдѣльными тетрадями въ 1823 и 1824 гг. Изъ нихъ Сенъ-Симону принадлежатъ первая, вторая и четвертая; третья же, касающаяся воспитанія, написана Огюстомъ Контомъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существенно укло-

няется отъ взлядовъ учителя. Изложеніе имѣетъ форму разговора. Оно начинается съ опредѣленія: Что такое промышленникъ? „Промышленникъ есть человѣкъ, который работаетъ надъ производствомъ или доставленіемъ различнымъ членамъ общества одного или нѣсколькихъ матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія ихъ физическихъ потребностей или вкусовъ". Промышленники составляютъ три большихъ класса: землевладѣльцы, фабриканты и торговцы. Какую степень должны они занимать въ обществѣ? „Промышленный классъ долженъ занимать первую степень, ибо онъ самый важный изъ всѣхъ; потому что онъ можетъ обходиться безъ всѣхъ другихъ, а другіе не могутъ безъ него обходиться; потому что онъ существуетъ собственною силою, своимъ личнымъ трудомъ. Остальные классы должны для него трудиться, потому что они его креатуры, и онъ поддерживаетъ ихъ существованіе; однимъ словомъ, такъ какъ все дѣлается черезъ промышленность, то все должно дѣдаться черезъ нее". Какую степень занимаютъ промышленники въ обществѣ? „При настоящей организаціи общества, промышленный классъ стоитъ послѣднимъ изъ всѣхъ. Общественный порядокъ предоставляетъ болѣе почета и власти второстепеннымъ трудамъ и даже праздности, нежели трудамъ самымъ важнымъ, приносящимъ ближайшую пользу" (III, стр. 67—8).

Въ этихъ положеніяхъ, которыя напоминаютъ знаменитую брошюру Сіеса, о третьемъ сословіи, обнаруживается вся односторонность взглядовъ Сенъ-Симона на общественное устройство. Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей является главною задачей общества; вся духовная жизнь становится въ ней въ служебное отношеніе. Сенъ-Симонъ хочетъ показать промышленникамъ, какимъ образомъ они могутъ достигнуть первой степени почета и власти. Это не должно совершаться путемъ насилія и возмущенія. Напротивъ, единственное средство предупредить перевороты состоитъ въ предоставленіи важнѣйшимъ промышленникамъ управленія общественнымъ хозяйствомъ. Это явствуетъ изъ

того, что желаніе огромнаго большинства народа состоитъ въ томъ, чтобы общество управлялось какъ можно дешевле и какъ можно менѣе, людьми наиболѣе способными и съ полнѣйшимъ обезпеченіемъ общественнаго спокойствія. Единственное же средство удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ состоитъ въ предоставленіи управленія государственнымъ хозяйствомъ важнѣйшимъ промышленникамъ, ибо они наиболѣе заинтересованы въ общественномъ спокойствіи, въ экономіи и въ ограниченіи произвола; они же веденіемъ своихъ частныхъ дѣлъ показали себя наиболѣе способными къ администраціи. Въ настоящее время общественному спокойствію грозитъ постоянная опасность, потому что стремленія правительства находятся въ полномъ противорѣчіи съ желаніями народа. Вмѣсто экономіи, общественныя тяжести все растутъ. До революціи народъ раздѣлялся на три класса: на дворянъ, разночинцевъ (буржуа) и промышленниковъ; первые властвовали, а остальные имъ платили. Теперь разночинцы, которые произвели революцію, уничтожили различіе между собою и дворянами; но они вмѣстѣ живутъ на счетъ промышленниковъ, которые должны платить вдвое болѣе, нежели прежде. Положить конецъ такому порядку вещей можно не новою революціей, ибо революціи могутъ только разрушать; создать же можно только мирными средствами, а предоставленіе важнѣйшимъ промышленникамъ высшаго управленія государственнымъ хозяйствомъ есть актъ созиданія. Этимъ завершится революція и предупредятся всякія дальнѣйшія потрясенія (стр. 69—74).

Какимъ же однако образомъ могутъ промышленники произвести подобную перемѣну безъ переворота? Очень просто, отвѣчаетъ Сенъ-Симонъ. Промышленники составляютъ 24/25 народа, слѣдовательно, они обладаютъ физическимъ превосходствомъ. Они производятъ всѣ богатства, слѣдовательно, въ ихъ рукахъ денежныя силы. Они имѣютъ первенство и въ умственномъ отношеніи, ибо ихъ разсчетъ всего болѣе содѣйствуетъ общественному благосостоянію.

Наконецъ, такъ какъ они наиболѣе способны управлять хозяйственными дѣлами, то и человѣческая, и божественная нравственность требуютъ, чтобы имъ было ввѣрено управленіе финансами. Такимъ образомъ, они имѣютъ въ рукахъ всѣ необходимыя, и при томъ неотразимыя средства перевести одинъ общественный порядокъ въ другой, изъ управляемыхъ сдѣлаться управляющими (стр. 74—5).

Но если такъ, то отчего же до сихъ поръ промышленники не соединились для пріобрѣтенія первенствующаго положенія, а позволяли другимъ классамъ владычествовать надъ собою? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Сенъ-Симонъ представляетъ очеркъ всей исторіи Франціи. Первая эпоха, отъ завоеванія Галліи франками до перваго крестоваго похода представляетъ приготовительную работу сліянія побѣдителей и побѣжденныхъ въ одну французскую націю. Во вторую эпоху, отъ перваго крестоваго пороха до Людовика XI-го, аристократы, разорявшіеся на крестовые походы, продавали галламъ скотъ и земли, и промышленность постоянно росла. Третья эпоха характеризуется союзомъ окрѣпшихъ промышленныхъ силъ съ королевскою властью. Людовикъ XI возымѣлъ сильную мысль сосредоточить всю власть въ рукахъ короля и уничтожить феодальную систему, основанную на превосходствѣ франковъ надъ галлами. Для этого ему нужна была опора въ классѣ достаточно сильномъ, чтобы обезпечить успѣхъ его предпріятія. Онъ соединился съ промышленниками, которые пріобрѣли черезъ это болѣе выгодное общественное положеніе. Они внесли въ общественную жизнь и новыя начала: доселѣ были только повелители и подчиненые; они же стали входить въ свободныя соглашенія, какъ съ высшими, такъ и съ низшими, не признавая надъ собою иной власти, кромѣ сочетанія интересовъ договаривающихся сторонъ. Доселѣ, однако, они образовали только отдѣльныя корпораціи; съ конца царствованія Людовика XIV-го наступаетъ для промышленнаго класса четвертая эпоха, въ которой разрозненныя силы связываются общею системою кредита, что

повело не только къ значительному умноженію богатства, но и къ тому, что промышленный классъ получилъ несравненно большую денежную силу, нежели всѣ остальные классы вмѣстѣ и даже нежели само правительство. Въ этомъ отношеніи остальные классы не только не подвигались впередъ, а напротивъ шли назадъ; они теряли и способности, и значеніе и дѣйствительное могущество; а между тѣмъ королевская власть продолжала брать изъ нихъ правителей общественнаго достоянія. Такимъ образомъ, Франція очутилась въ совершенно ненормальномъ положеніи: народъ сдѣлался существенно промышленнымъ, а правительство осталось существенно феодальнымъ. Эта двойственность противоборствующихъ началъ, составляющая источникъ безпорядка, не устраняется существованіемъ класса средняго между дворянствомъ и промышленниками и могущаго, повидимому, служить между ними связью. Этотъ классъ составляется изъ юристовъ, изъ военныхъ, не принадлежащихъ къ дворянству, наконецъ, изъ землевладѣльцевъ, вышедшихъ изъ простолюдиновъ, но не занимающихся земледѣліемъ. Онъ побудилъ народъ возстать противъ дворянства въ 1789 году; черезъ это онъ занялъ въ обществѣ первенствующее мѣсто. Но вмѣсто того, чтобы слиться съ промышленниками, онъ создалъ новый феодализмъ въ свою пользу, возстановивъ и титулы и маіораты. Теперь промышленники имѣютъ такой же интересъ избавиться отъ этого класса, какъ и отъ дворянства. Единственный для нихъ прочный союзъ есть старый союзъ съ королевскою властью; онъ одинъ можетъ вести къ водворенію новаго промышленнаго порядока, обезпечивъ имъ первенствующее положеніе въ обществѣ (стр. 76—94).

Въ этомъ порядкѣ промышленники будутъ занимать первое мѣсто. Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ безвозмездно управлять общественнымъ достояніемъ; они будутъ установлять законъ; они опредѣлятъ положеніе остальныхъ классовъ въ обществѣ, придавая каждому изъ нихъ значеніе соразмѣрное съ тѣми заслугами, которыя онъ будетъ оказывать про-

мышленности. Таковъ неизбѣжно будетъ окончательный результатъ нынѣшняго переворота, и когда этотъ результатъ получится, спокойствіе будетъ вполнѣ обезпечено, общественное благосостояніе будетъ расти съ возможною скоростью, и общество будетъ пользоваться всѣмъ личнымъ и коллективнымъ счастіемъ, къ какому только способна человѣческая природа. Этотъ выводъ вытекаетъ изъ всего предшествующаго хода исторіи. Она доказываетъ, что промышленники все болѣе и болѣе выдвигались впередъ, такъ какъ остальные классы теряли свое значеніе. Самый здравый смыслъ указываетъ намъ, что такъ какъ люди постоянно заботятся объ улучшеніи своего состоянія, то цѣль ихъ всегда состояла въ томъ, чтобы дать первенство классу наиболѣе полезному въ этомъ отношеніи, и эта цѣль непремѣнно должна быть достигнута. Точно такъ же и нравственность, божественная и человѣческая, доказываетъ, что трудъ составляетъ источникъ всѣхъ добродѣтелей, а потому трудящійся классъ долженъ быть первымъ изъ всѣхъ. Это явствуетъ и изъ развитія личнаго разума, который слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ и разумъ общественный. Въ воспитаніи человѣка первоначально всего сильнѣе дѣйствіе власти или управленіе, но постепенно оно уступаетъ мѣсто преподаванію; точно также и въ воспитаніи общества, первоначально всего сильнѣе дѣйствіе военной или феодальной власти; но затѣмъ она постепенно уменьшается и уступаетъ мѣсто дѣйствію административному. Такимъ образомъ, военные и юристы должны окончательно подчиниться людямъ наиболѣе способнымъ въ администраціи, а таковы именно промышленники, которые вслѣдствіе этого должны получить первое мѣсто (стр. 96—7).

Сенъ-Симонъ былъ увѣренъ, что для того, чтобы этотъ переворотъ совершился мирнымъ и правильнымъ образомъ, нужно только выяснить промышленникамъ истинное ихъ положеніе и ихъ общественное значеніе. Это и есть та задача, которую онъ себѣ поставилъ, и разрѣшеніе которой составляетъ плодъ сорокапятилѣтнихъ трудовъ. Созданіе такой

системы не могло быть дѣломъ случая, или рутины; она могла быть постигнута только апріори, какъ цѣльное зданіе. Но разъ это сдѣлано и программа начертана, промышленникамъ нужно только соединиться, чтобы привести ее въ исполненіе. Они составляютъ громадное большинство народа, а потому отжившіе свой вѣкъ остатки феодализма падутъ передъ ними безъ всякаго усилія. Королевская же власть не только отъ этого не потерпитъ ущерба, но, напротивъ, получитъ новую силу отъ возобновленія своего историческаго союза съ промышленнымъ классомъ (стр. 98—103, 110—117)

Въ другомъ разговорѣ Сенъ-Симонъ старался устранить возраженіе, которое могло быть внушено примѣромъ Англіи. Опытъ, по общему признанію, служитъ лучшимъ руководителемъ для народовъ, такъ же какъ и для отдѣльныхъ лицъ, а опытъ говоритъвъ пользу англійской конституціи, которая возвела Англію на высшую степень могущества и славы, и которая, однако, существенно отличается отъ общественнаго устройства, предлагаемаго Сенъ-Симонъ. На это возраженіе Сенъ-Симонъ отвѣчаетъ, что англійская конституція носитъ двойственный, переходный характеръ, частью феодальный, частью промышленный; это произошло оттого, что англійская революція, которая дала ей бытіе, произошла въ такое время, когда промышленный классъ не былъ еще достаточно развитъ. Французская же революція, низвергшая феодализмъ, произошла на цѣлое столѣтіе позднѣе, а потому промышленному классу можно дать гораздо большее значеніе. Между Англіей и Франціей есть и то существенное различіе, что въ послѣдней общественное развитіе было дѣйствіемъ союза короля съ промышленнымъ классомъ, тогда какъ въ Англіи въ союзѣ съ промышленниками дѣйствовала не королевская власть, а аристократія, которая вслѣдствіе этого и пріобрѣла парвенствующее положеніе. Но именно поэтому переходъ къ чисто-промышленному порядку гораздо легче можетъ совершиться во Франціи: король ничего отъ этого не потеряетъ, тогда какъ аристократія должна отка-

заться отъ всѣхъ своихъ привилегій. А потому нѣтъ сомнѣнія, что Франція первая достигнетъ истинной цѣли человѣческаго развитія; Англія же будетъ слѣдовать за нею (стр. 121 и слѣд.).

Въ приложеніи ко второй тетради, озаглавленномъ: *Либерализмъ и индустріализмъ*, Сенъ-Симонъ выражаетъ, что Франція первая вступитъ на путь индустріализма, потому что главы промышленныхъ работъ въ политическомъ отношеніи составятъ одно съ рабочими, тогда какъ въ Англіи они состоятъ въ союзѣ съ лордами, чтобы держать рабочихъ въ подчиненіи скорѣе силою, нежели началами положительной нравственности. По мнѣнію Сенъ-Симона, если англійскіе рабочіе разрушаютъ машины, то это происходитъ единственно отъ того, что фабриканты, надѣясь на военную силу, оставляютъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи относительно истинныхъ ихъ интересовъ и тѣмъ отдаютъ ихъ на жертву интриганамъ, которые изъ личныхъ видовъ побуждаютъ ихъ къ революціямъ. Между тѣмъ, хозяева фабрикъ суть прирожденные руководители рабочаго класса; вмѣстѣ съ ними они должны образовать новую партію *индустріалистовъ*, совершенно отличную отъ всѣхъ существующихъ, и въ особенности отъ либераловъ, которыхъ предводители имѣютъ въ виду только ниспроверженіе существующей власти, для того, чтобы занятъ ея мѣсто. Къ этой партіи должны примкнуть и публицисты, раздѣляющіе эти взгляды [1]).

Сенъ-Симонъ обратился съ воззваніемъ къ новымъ промышленникамъ, убѣждая ихъ подписаться на его изданія и проникнуться его взглядами. Онъ предполагалъ составить два комитета, одинъ изъ публицистовъ, другой изъ промышленниковъ. Первый будетъ разсматривать въ первой инстанціи всѣ научныя работы, имѣющія въ виду установленіе промышленнаго порядка; одобренныя имъ сочиненія будутъ представляться для окончательнаго сужденія въ

---

[1]) Le Libéralisme et l'Industrialisme; Oeuvres de Saint-Simon, publiées par Olinde Rodrigues, стр. 205 и слѣд.

комитетъ промышленниковъ, въ рукахъ котораго будутъ находиться денежныя средства и отъ котораго будетъ зависѣть разрѣшеніе изданія [1]).

Въ четвертой тетради *Катехизиса промышленниковъ* Сенъ-Симонъ изложилъ и общій планъ государственнаго устройства, сообразнаго съ новыми началами. Вся финансовая и административная часть должна быть, какъ сказано, ввѣрена промышленному классу, который есть кормилецъ всего общества; ученый же классъ долженъ занимать второстепенное мѣсто. Однако и онъ долженъ имѣть свою организацію, подчиненную первому. Онъ долженъ образовать двѣ академіи: академію разсужденій и академію чувствъ. Первая существуетъ ужъ нынѣ подъ именемъ академіи наукъ, къ которой надобно прибавить главнымъ образомъ отдѣлъ политической экономіи. Вторая же, составленная изъ моралистовъ, богослововъ, юристовъ и художниковъ, должна имѣть въ виду развитіе нравственныхъ началъ. Для согласованія дѣйствій обѣихъ корпорацій надъ ними должна возвышаться верховная или королевская коллегія, составленная изъ лицъ, свѣдущихъ въ обѣихъ отрасляхъ знанія и избранныхъ академіями; къ нимъ слѣдуетъ присоединить и самыхъ способныхъ юристовъ, съ цѣлью дать ученію характеръ регламентаціи, а также и практическихъ политиковъ, которые могутъ дать хорошіе совѣты. Эта верховная коллегія будетъ совѣтомъ короля для иниціативы всякихъ мѣръ. Составленные ею проекты должны разсматриваться въ академіяхъ чувствъ и разсужденій; отъ послѣднихъ они должны поступать въ верховный административный Совѣтъ, составленный изъ важнѣйшихъ промышленниковъ, и имѣющій задачею составленіе ежегоднаго бюджета и надзоръ за правильнымъ расходованіемъ суммъ. Этотъ Совѣтъ разсматриваетъ предложенные ему проекты и вноситъ въ бюджетъ нужныя суммы для тѣхъ, которые онъ считаетъ полезными. Составленный такимъ образомъ проектъ бюджета

[1]) Тамъ же, стр. 259.

передается въ Совѣтъ министровъ, который, по повелѣнію короля, представляетъ его палатамъ и заботится объ исполненіи его во всѣхъ подробностяхъ. Когда всѣ эти учрежденія будутъ такимъ образомъ устроены, говоритъ Сенъ-Симонъ, общество будетъ организовано не только сообразно съ настоящимъ состояніемъ своего просвѣщенія, но и вообще, наилучшимъ способомъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ физическихъ и нравственныхъ потребностей, ибо означенныя учрежденія представляютъ основной распорядокъ общественнаго строя наиболѣе благопріятнаго для производства и координаціи всего, что можетъ быть наиболѣе полезно человѣчеству въ отношеніяхъ нравственныхъ и физическихъ. Когда во Франціи установится эта организація, тогда исполнится предсказаніе отцовъ церкви: одно ученіе сдѣлается общимъ всему человѣческому роду; всѣ народы одинъ за другимъ примутъ начала, провозглашенныя и осуществленныя французами. (Oeuvres choisies, III, стр. 195 и слѣд.). Золотой вѣкъ лежитъ не позади, а впереди насъ, говоритъ Сенъ-Симонъ (стр. 215).

Изъ этого можно видѣть, до какой степени смутны и поверхностны были взгляды Сенъ-Симона на предлагаемое имъ *общественное устройство*. Мнимый пророкъ, воображавшій, что онъ сдѣлалъ величайшее открытіе и явилъ новый свѣтъ человѣчеству, не подозрѣвалъ, что промышленный классъ, которому онъ хотѣлъ ввѣрить все общественное управленіе, самъ внутри себя распадается на противоборствующіе интересы, и что не пройдетъ двадцати пяти лѣтъ, какъ столкновеніе этихъ интересовъ разразится страшными междоусобіями. Онъ не думалъ, что разрѣшеніе этихъ столкновеній вызоветъ вмѣшательство государства, котораго вѣдомство черезъ это расширится, и что именно вслѣдствіе этого къ государственной власти должны быть призваны лица, независимыя отъ промышленныхъ партій, главнымъ образомъ юристы, которыхъ существенная задача состоитъ не въ регламентированіи академическихъ проектовъ, а въ точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей, на основаніи глу-

бокаго изученія началъ частной и государственной жизни. Вообще, о правѣ, составляющемъ первую основу всякаго общественнаго быта, Сенъ-Симонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ считалъ это пустою метафизикой, принадлежащей къ области прошлаго. Но столь же поверхностны были и его понятія о нравственности. Созданіе академіи чувствъ, которая должна объединить весь человѣческій родъ общимъ ученіемъ, составляетъ одно изъ самыхъ уродливыхъ произведеній теряющейся въ утопіяхъ фантазіи. Чувство есть самое субъективное, что только существуетъ на свѣтѣ. Подчинить его распорядкамъ ученой академіи — мысль поистинѣ изумительная. Сенъ-Симонъ хотѣлъ этимъ замѣнить средневѣковую церковь, историческая роль которой представлялась ему идеаломъ нравственнаго вліянія на умъ. Но это показываетъ только, какъ мало онъ понималъ и существо религіи, и самое значеніе христіанства, которое онъ хотѣлъ обновить, извлекши изъ него чисто нравственное начало и подчиняя послѣднему, какъ догматы, такъ и богослуженіе.

Своему *Новому христіанству* Сенъ-Симонъ предпослалъ историческій взглядъ на его развитіе. До сихъ поръ, говоритъ онъ, философы относились чисто критически къ богословской и феодальной системѣ, господствовавшей въ средніе вѣка, ибо цѣль ихъ состояла въ разрушеніи этой системы, не соотвѣтствовавшей болѣе новымъ требованіямъ и прогрессу человѣчества. Но теперь, когда мы имѣемъ въ виду несравненно высшій порядокъ, мы можемъ смотрѣть на нее безпристрастнѣе и показать все ея превосходство надъ учрежденіями древняго міра. Никто не станетъ отрицать, что наилучшимъ устройствомъ общества слѣдуетъ считать то, которое: 1) приноситъ наиболѣе счастія большинству гражданъ, доставляя ему наиболѣе средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей; 2) даетъ способнѣйшимъ людямъ наибольшую возможность достигнуть высшихъ ступеней; 3) соединяетъ наибольшее количество населенія и даетъ ему наибольшую возможность сопроти-

вляться врагамъ; 4) содѣйствуетъ важнѣйшимъ открытіямъ и наибольшему прогрессу просвѣщенія. Но во всѣхъ этихъ отношеніяхъ средневѣковое общество имѣло преимущество передъ древними. Послѣднія были основаны на рабствѣ, тогда какъ въ первомъ крѣпостное право было смягчено, и всѣ люди были объявлены братьями передъ Богомъ. Въ древнихъ государствахъ управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ аристократіи, которой присвоивались всѣ преимущества; въ средніе вѣка, напротивъ, во главѣ высшей, духовной власти постоянно стояли люди изъ низшихъ, возвысившіеся по своимъ способностямъ. Римъ, завоевавшій весь міръ, никогда не имѣлъ болѣе 500.000 гражданъ, вслѣдствіе чего онъ наконецъ былъ поглощенъ варварскими народами; средневѣковое общество, соединенное подъ духовною властью папъ, простиралось до 60 милліоновъ людей, и въ силу начала всеобщаго братства, оно присоединяло къ себѣ всѣ обращаемые въ христіанство народы. Наконецъ, если древнимъ грекамъ принадлежитъ первенство въ отношеніи искусства, то въ изслѣдованіи природы они были совершенными младенцами, а на промышленность они смотрѣли, какъ на занятіе недостойное гражданина. Въ области нравственной высшимъ ихъ дѣломъ было подготовленіе христіанства; но они не дѣлали никакого практическаго приложенія провозглашенныхъ имъ высокихъ нравственныхъ правилъ; въ средніе вѣка, напротивъ, весь общественный порядокъ построенъ былъ на христіанскихъ началахъ, которыя получили однако узкую форму католицизма, для того чтобы приспособить ихъ къ невѣжеству покорившихъ Римскую Имперію варварскихъ народовъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ духовенство стояло во главѣ просвѣщенія и руководило человѣчествомъ на пути развитія. Результатомъ его дѣятельности были великія открытія пятнадцатаго вѣка, которыя поставили новые народы безконечно выше древнихъ (III, стр. 219—241). Съ тѣмъ вмѣстѣ однако явились новые взгляды и новыя потребности, которые вели къ дезорганизаціи средневѣковой системы. Свѣт-

скіе ученые опередили духовенство въ знаніи и трудѣ. Началась критическая работа, которая привела наконецъ къ Французской революціи. Съ тѣхъ поръ явились попытки построить европейскій міръ на новыхъ началахъ; но всѣ онѣ были неудачны, потому что были основаны на ложныхъ началахъ. Революціонеры пытались воскресить нравы и учрежденія древнихъ, что было нелѣпо, ибо человѣчество не возвращается вспять. По той же причинѣ не могла удасться и попытка Бонапарта, который хотѣлъ возвратиться къ временамъ Карла Великаго. Стремясь къ порабощенію Европы, онъ возстановилъ ее противъ себя, а во Франціи онъ создалъ новое дворянство, чѣмъ оскорблялось чувство равенства. Гораздо выше этихъ мимолетныхъ построеній стоитъ третья попытка, состоящая въ перенесеніи на материкъ англійской конституціи; однако и она основана на ложныхъ началахъ; а потому не можетъ вести къ цѣли. Англійская конституція возникла болѣе ста лѣтъ тому назадъ, когда не было еще тѣхъ громадныхъ успѣховъ въ знаніи и просвѣщеніи, которые ведутъ къ несравненно высшимъ понятіямъ объ общественной организаціи. Совершившійся въ Англіи переворотъ поставилъ аристократію на мѣсто королевской власти, что составляетъ попятный шагъ въ прогрессѣ человѣчества, ибо аристократія есть средневѣковое учрежденіе, а королевская власть, опираясь на низшіе классы, стремилась и уничтожать, и пролагать новые пути. Англійская конституція была созданіемъ островитянъ для ихъ собственнаго употребленія, а островитяне неспособны подняться на высоту пониманія, необходимую для того, чтобы окинуть общимъ взглядомъ интересы всѣхъ народовъ. Они могли создать только сдѣлку между феодализмомъ и потребностями новаго времени. Наконецъ, несравненно выше всѣхъ этихъ ложныхъ попытокъ и полумѣръ стоитъ четвертый опытъ, а именно, устройство Священнаго Союза, который обращаетъ Европу не назадъ, а впередъ. Онъ далъ ей величайшее благо—миръ; онъ поддерживаетъ королевскую власть, которая съ самаго своего

возникновенія постоянно боролась противъ притязаній аристократіи и духовенства; онъ создалъ въ Европѣ общую власть, стоящую выше всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Наконецъ, благодаря ему, Европа можетъ реорганизоваться мирно и безъ потрясеній перейти отъ феодальнаго устройства къ промышленному. Для этого нужно только, чтобы общественное мнѣніе проникалось здравыми понятіями, ибо общественное мнѣніе есть владыка міра и ни одна земная власть не можетъ ему противостоять (стр. 242—256).

Ни Священный Союзъ, ни королевская власть не отвѣчали однако ожиданіямъ Сенъ-Симона, и скоро этотъ крайне подвижный умъ высказалъ относительно ихъ совершенно иные взгляды. Въ послѣднемъ своемъ сочиненій, въ *Новомъ христіанствѣ*, онъ выступилъ съ рѣзкой критикой не только всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій, но и свѣтскихъ властей.

И это сочиненіе писано въ формѣ разговора между консерваторомъ и новаторомъ. „Вѣрите ли вы въ Бога?“ спрашиваетъ консерваторъ.—„Вѣрю.“—„Вѣрите ли вы въ божественное происхожденіе христіанской религіи?—Вѣрю.—Но если она божественнаго происхожденія, то она не можетъ совершенствоваться; между тѣмъ, вы своими сочиненіями побуждаете художниковъ, промышленниковъ и ученыхъ совершенствовать эту религію; слѣдовательно, вы находитесь въ противорѣчіи съ самимъ собою.“—На это возраженіе новаторъ отвѣчаетъ, что противорѣчіе тутъ только кажущееся, ибо надобно отличать въ религіи то, что идетъ прямо отъ Бога и что неспособно къ совершенствованію, и то, что духовенство говоритъ отъ Его имени. Послѣднее можетъ совершенствоваться, какъ и всѣ человѣческія науки; богословіе нуждается иногда въ обновленіи, такъ же какъ и физика, химія и физіологія.

Что же въ религіи идетъ отъ Бога и что есть дѣло человѣческое? Богъ сказалъ: „люди должны относиться другъ къ другу какъ братья“; это возвышенное начало, говоритъ

новаторъ, заключаетъ въ себѣ все, что есть божественнаго въ христіанской религіи. И этому нечего удивляться. „Богъ необходимо все свелъ къ одному началу, безъ чего его воля въ отношеніи къ людямъ не была бы систематична. Было бы кощунствомъ утверждать, что Богъ основалъ свою религію на нѣсколькихъ началахъ. Но въ силу этого начала, даннаго Богомъ людямъ, какъ правило ихъ поведенія, они должны устроить свое общество такъ, чтобы оно было наиболѣе выгодно большему числу; они должны поставить себѣ цѣлью всѣхъ своихъ трудовъ и всѣхъ своихъ дѣйствій самымъ возможно скорымъ и полнымъ образомъ улучшить нравственное и физическое существованіе самаго многочисленнаго класса. Въ этомъ и только въ этомъ состоитъ божественная часть христіанской религіи".

Однако, возражаетъ консерваторъ, Христосъ, удаляясь на небо, оставилъ людямъ не только ученіе, но и руководителей въ ихъ поведеніи. Вѣрите ли вы въ церковь?—„Я вѣрю,—отвѣчаетъ новаторъ,—что Богъ Сынъ основалъ христіанскую церковь; я проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ и удивленіемъ къ поведенію отцовъ этой церкви. Эти начальники первобытной церкви искренно проповѣдывали единеніе всѣмъ народамъ; они побуждали ихъ жить между собою въ мирѣ; они положительно и съ величайшею энергіей объявляли могучимъ людямъ, что первая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы употребить всѣ свои средства на скорѣйшее возможное улучшеніе нравственнаго и физическаго быта бѣдныхъ. Эти начальники первобытной церкви сочинили лучшую изъ когда-либо изданныхъ книгъ, *Первоначальный катехизисъ*, въ которомъ они раздѣлили всѣ дѣйствія людей на два разряда, на добрыя и дурныя, то-есть тѣ, которыя сообразны съ основнымъ началомъ божественной нравственности, и тѣ, которыя ему противорѣчатъ".

Думаете ли послѣ этого, что церковь непогрѣшима? спрашиваетъ консерваторъ: „Когда церковь имѣетъ во главѣ своей людей наиболѣе способныхъ направлять общество къ божественной цѣли, я думаю, что она можетъ безъ ущер-

ба считаться непогрѣшимою,—отвѣчаетъ новаторъ,—и что общество разумно поступаетъ, слѣдуя ея руководству. Я признаю, что отцы церкви были непогрѣшимы для эпохи, въ которую они жили; тогда какъ въ настоящее время духовенство кажется мнѣ изъ всѣхъ учрежденій тѣмъ, которое впадаетъ въ наибольшія заблужденія, наиболѣе вредныя обществу, тѣмъ, котораго поведеніе состоитъ въ наибольшемъ противорѣчіи съ основнымъ началомъ божественной нравственности". И теперь еще, говоритъ новаторъ, есть множество добрыхъ христіанъ; никогда еще ихъ не было столько; но почти всѣ они принадлежатъ къ свѣтскимъ людямъ. Съ XV вѣка христіанская церковь утратила свое единство, и различныя духовенства впали въ ересь, ибо ихъ мнѣнія, ихъ нравственность, ихъ догматы и богослуженія состоятъ болѣе или менѣе въ противорѣчіи съ верховнымъ началомъ божественной нравственности.

Но какова же будетъ судьба христіанства, если таково нынѣшнее его положеніе? спрашиваетъ консерваторъ. Христіанство, отвѣчаетъ новаторъ, сдѣлается всемірною и единственною религіей, обнимающею всѣ народы. Истинное ученіе христіанства, то, которое вытекаетъ изъ начала божественной нравственности: оно появится на свѣтъ, и тотчасъ исчезнутъ всѣ различія религіозныхъ мнѣній. Первоначальное христіанское ученіе дало обществу только частное и весьма несовершенное устройство. Права Кесаря остались независимы отъ правъ, присвоенныхъ церкви. „Воздадите Кесарево Кесареви"; таково было знаменитое правило, раздѣлившее эти двѣ власти. Свѣтская власть продолжала основывать свое могущество на правѣ сильнаго, между тѣмъ какъ церковь проповѣдывала, что общество должно признавать законными только учрежденія, имѣющія цѣлью улучшеніе быта бѣднѣйшаго класса. „Новая христіанская организація выведетъ свѣтскія учрежденія, такъ же какъ и церковныя, изъ начала, что всѣ люди должны относиться другъ къ другу, какъ братья. Она будетъ направлять всѣ учрежденія, какова бы ни была ихъ природа, къ увеличенію

благосостоянія бѣднѣйшаго класса... Самая божественная нравственность должна сдѣлаться единственною нравственностью; это составляетъ послѣдствіе ея природы и ея происхожденія" (III, стр. 321—326).

Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ новаторъ подвергаетъ критикѣ существующія вѣроисповѣданія, католическое и протестантское. Онъ обвиняетъ въ ереси папу и его духовенство: 1) потому что все ихъ ученіе направлено не къ улучшенію быта бѣднѣйшаго класса, а къ подчиненію свѣтскихъ людей руководству духовенства; 2) потому что они не имѣютъ достаточныхъ знаній для того, чтобы быть руководителями паствы: все ихъ вниманіе обращено на богословскія науки, имѣющія совершенно второстепенное значеніе, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ ихъ далеко опередили свѣтскіе люди; 3) потому что, какъ правители, они менѣе заботятся о физическихъ и нравственныхъ интересахъ бѣднаго класса, нежели какой-либо свѣтскій владыка, чему доказательствомъ служитъ плохое управленіе и состояніе Папской области; 4) потому что они покровительствуютъ двумъ учрежденіямъ, наиболѣе противнымъ духу христіанства, и именно, инквизиціи и іезуитамъ, изъ которыхъ первое основано на насиліи и жестокости, а второе на эгоизмѣ и лжи. До XV вѣка римская церковь слѣдовала довольно точно предписаніямъ Христа: она заботилась о благѣ низшихъ классовъ и возвышала изъ нихъ людей наиболѣе способныхъ. Но съ конца XV вѣка ея поведеніе совершенно измѣняется: ея политика становится чисто свѣтскою; она перестаетъ бороться съ свѣтскою властью; она не отожествляется болѣе съ низшими классами и не старается возвысить аристократію талантовъ надъ аристократіею рожденія. Предметомъ всѣхъ ея заботъ становится сохраненіе пріобрѣтеннаго предшественниками положенія и богатства и пользованія ими безъ всякаго труда, не дѣлая ничего существенно полезнаго для общества. Съ этою цѣлью римское духовенство поставило себя подъ покровительство свѣтской власти и заключило съ князьями нече-

стивый договоръ такого рода: „мы употребимъ все свое вліяніе на вѣрующихъ, чтобы установить въ вашу пользу произвольную власть; мы объявимъ васъ королемъ милостью Божіей; мы будемъ проповѣдовать догматъ страдательнаго повиновенія; мы установимъ инквизицію, посредствомъ которой вы будете имѣть въ своемъ распоряженіи судилище, не связанное никакими формальностями; мы установимъ новый религіозный орденъ, которому мы дадимъ имя общества Іисуса. Этотъ орденъ установитъ догматъ діаметрально противоположный христіанскому; онъ возьметъ на себя, заступничество передъ Богомъ за интересы богатыхъ и знатныхъ преимущественно передъ интересами бѣдныхъ. Въ замѣнъ этихъ оказанныхъ вамъ услугъ, въ замѣнъ той зависимости, въ которую мы соглашаемся поставить себя въ отношеніи къ вашей свѣтской власти (которой происхожденіе нечестиво, ибо ея права были первоначально основаны на правѣ силы), и въ видѣ награды за нашу измѣну бѣднѣйшему классу, котораго интересы и права нашъ Божественный основатель поручилъ намъ защищать, мы просимъ васъ сохранить намъ имущество, которое было плодомъ апостольской дѣятельности воинствующей церкви, и оставить за нами пользованіе почетными и денежными привилегіями, которыя даны ей вашими предшественниками“ (стр. 329—342).

Противъ всѣхъ этихъ ересей римской церкви возсталъ Лютеръ. Своею критикой онъ оказалъ огромную услугу цивилизаціи. Ему человѣчество обязано паденіемъ духовной власти, которая не стояла уже на уровнѣ своего призванія. Но когда онъ на мѣсто разрушеннаго зданія хотѣлъ построить новое, онъ, въ свою очередь, впалъ въ ересь. Первый упрекъ, который можно ему сдѣлать, состоитъ въ томъ, что онъ усвоилъ себѣ мораль, несравненно низшую противъ той, которая приличествуетъ христіанамъ въ настоящемъ положеніи цивилизаціи. Когда Христосъ поручалъ апостоламъ организовать человѣчество въ интересахъ бѣднѣйшаго класса, цивилизація была еще въ колыбели; рабство господ-

ствовало всюду; не было еще ни общей нравственной, ни общей религіозной системы; одинъ народъ властвовалъ надъ всѣми деспотически. Такимъ образомъ христіанство, съ его догматомъ, моралью и духовенствомъ, находилось внѣ окружающаго его языческаго міра. Напротивъ, во времена Лютера, рабство было почти уничтожено; всѣ народы подчинялись общей нравственно религіозной системѣ; аристократія талантовъ возвышалась надъ аристократіей богатства и рожденія; филантропія получила первенство надъ патріотизмомъ. Если бы Лютеръ былъ на высотѣ своего призванія, онъ сказалъ бы папѣ и духовенству: „теперь задача иная, нежели прежде: ваши предшественники распространили и утвердили христіанское ученіе; теперь надобно прилагать его къ жизни. Поэтому недостаточно указывать христіанамъ на небо, обѣщать имъ тамъ всевозможныя блага; истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не на небѣ, а на землѣ. Теперь нельзя ограничиваться отвлеченными идеями; надобно умѣть сочетать идеи чувственныя такъ, чтобы все подчинялось единому началу христіанской нравственности — улучшенію быта бѣднѣйшаго и многочисленнѣйшаго класса. Апостолы принуждены были признавать власть Кесаря и держаться правила: *Воздадите Кесарево Кесареви,* ибо они не имѣли средствъ съ нимъ бороться и не должны были дѣлать его себѣ врагомъ. Теперь же отношеніе духовной власти и свѣтской совершенно иное, и вы должны объявить наслѣдникамъ Кесаря, что христіанство не признаетъ за ними права властвовать надъ людьми, права, основаннаго на насиліи и завоеваніи; вы должны сказать имъ, что единственное средство узаконить ихъ власть состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать ее какъ учрежденіе, призванное защищать слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ; что единственная ихъ обязанность—улучшить нравственный и физическій бытъ многочисленнѣйшаго класса, и что всякая трата общественныхъ денегъ, которая не строго необходима, есть съ ихъ стороны преступленіе, которое дѣлаетъ ихъ врагами Божьими. И вы можете это сдѣлать,

если вы соединитесь съ тремя новыми силами, возникшими въ мірѣ: съ наукой, искусствомъ и промышленностью. Тогда власть Кесаря, нечестивая въ своемъ основаніи, будетъ совершенно уничтожена. Если же, напротивъ, вы эти новыя силы будете считать противными Богу; если вы будете продолжать считать мистическія идеи важнѣйшими изъ всѣхъ и указывать вѣрующимъ на метафизическую цѣль—небесное блаженство, предписывая имъ средства, приличныя только младенческому состоянію религіи, какъ-то: самобичеваніе, посты, колѣнопреклоненія, то всѣ новыя силы соединятся противъ васъ съ Кесаремъ; онѣ раскроютъ людямъ глаза на счетъ безсмыслицы вашего ученія и злоупотребленій вашей власти, и тогда вамъ останется только подчиниться власти Кесаря и вмѣстѣ съ ними противиться прогрессу цивилизаціи, стараясь направить народъ на мистическія цѣли и удерживать его въ предразсудкахъ". Вотъ, что Лютеръ долженъ былъ бы сказать папѣ и духовенству. Но способный къ критикѣ, Лютеръ лишенъ былъ таланта созиданія. Вмѣсто того, чтобы увеличить общественное значеніе христіанства, онъ вернулъ его къ точкѣ исхода и вновь поставилъ внѣ общественной организаціи. Этимъ онъ призналъ верховную власть Кесаря, а за духовенствомъ оставилъ только право покорнаго прошенія. Такимъ образомъ мирныя способности были обречены на вѣчную зависимость отъ людей съ сильными страстями и военными дарованіями (стр. 345–357).

Протестантамъ слѣдуетъ сдѣлать и другой упрекъ; они исказили богослуженіе. Задача послѣдняго, хотя и второстепенная, состоитъ въ томъ, чтобы привлекать вниманіе вѣрующихъ къ предметамъ, составляющихъ для нихъ общій интересъ. Чѣмъ болѣе развивается общество, тѣмъ болѣе и богослуженіе должно совершенствоваться. Что же сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Лютеръ? Онъ выкинулъ изъ храмовъ все, что говоритъ воображенію, и низвелъ христіанскія чувства до чистѣйшей прозы, что менѣе всего можетъ способствовать возбужденію въ сердцахъ вѣрующихъ страсти къ общему благу (стр. 358—362).

Наконецъ, Лютеръ впалъ въ ересь тѣмъ, что усвоилъ себѣ плохой догматъ. Вмѣсто того, чтобы совершенствовать христіанское ученіе сообразно съ развитіемъ жизни, онъ предписалъ протестантамъ изучать христіанство въ книгахъ, написанныхъ въ самомъ началѣ его появленія, особенно въ Библіи. Онъ объявилъ, что не признаетъ иныхъ догматовъ, кромѣ тѣхъ, которые заключаются въ этихъ книгахъ. Это все равно, что если бы математики, физики, химики и другіе ученые стали требовать, чтобы эти науки изучались въ первыхъ книгахъ, писанныхъ по этимъ предметамъ. Этимъ не отрицается божественное происхожденіе христіанства. Христосъ могъ говорить людямъ только то, что могло быть понятно имъ на той степени просвѣщенія, на которой они находились. Онъ передалъ своимъ ученикамъ лишь зачатки христіанства и поручилъ церкви развивать это драгоцѣнное сѣмя: онъ поручилъ ей уничтожить всѣ политическія права, основанныя лишь на правѣ силы, и всѣ учрежденія, препятствующія улучшенію физическаго и нравственнаго быта бѣднѣйшаго класса. Но именно эти задачи совершенно упускаются изъ виду протестантами. Обращая вѣрующихъ къ изученію Библіи, Лютеръ далъ умамъ вредное метафизическое направленіе. Въ нихъ возбуждаются политическія стремленія, противныя общему благу: управляемые мечтаютъ о невозможномъ равенствѣ и отвлекаются отъ работъ, имѣющихъ въ виду созданіе наилучшей политической системы, въ которой общественные интересы управлялись бы людьми, наиболѣе способными въ наукахъ, искусствахъ и промышленности. Изучая Библію, протестанты считаютъ это знаніе важнѣйшимъ изъ всѣхъ. Вмѣсто разработки ученія, приспособленнаго къ современному состоянію общества, возбуждаются только ложныя филантропическія чувства. Думая содѣйствовать прогрессу, это направленіе подвинуло бы человѣчество назадъ, если бы это было возможно (стр. 362—7).

Поэтому новое христіанство не должно разсматриваться только какъ усовершенствованіе протестантизма. Оно

стоитъ совершенно внѣ всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій. Цѣль его—построить общую систему, опираясь на всѣ открытія и совершенствованія, сдѣланныя въ области наукъ, искусствъ и промышленности, съ XV вѣка, задача, которою пренебрегали учители христіанства. Но и свѣтскіе люди, съ своей стороны, впали въ односторонность, занимаясь исключительно разработкой частностей и упуская изъ виду общія начала и общіе интересы. Это и повело къ развитію эгоизма, который сдѣлался господствующимъ во всѣхъ классахъ. Мы, конечно, значительно подвинулись впередъ въ математическихъ и физическихъ наукахъ: но есть наука, которая несравненно важнѣе ихъ всѣхъ: это — наука объ обществѣ, основаніемъ которой служитъ мораль. Тутъ движеніе является совершенно обратное: основное начало этой науки было провозглашено тысячу восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ въ этой области не только не произошло никакого совершенствованія, но и самое начало было совершенно потеряно изъ вида. Это именно, доказываетъ, что умъ, провозгласившій это начало за пятнадцать столѣтій до важнѣйшихъ успѣховъ математическихъ и физическихъ наукъ, былъ умъ сверхчеловѣческій; поэтому мы не можемъ не признать христіанскую религію откровенною свыше (стр. 367—379).

Убѣжденный, что самъ онъ исполняетъ божественное призваніе, напоминая князьямъ и народамъ истинныя начала христіанства, Сенъ-Симонъ, въ заключеніе, обращается съ увѣщаніемъ къ государямъ, составившимъ Священный Союзъ. „Вы считаете себя христіанами, — говоритъ онъ имъ, — а между тѣмъ вы основываете свою власть на правѣ силы: вы все еще наслѣдники Кесаря, и вы забываете, что истинные христіане полагаютъ себѣ конечною цѣлью совершенно уничтожить власть меча, которая, по своей природѣ, имѣетъ чисто-временный характеръ. И именно эту власть вы хотите положить въ основаніе всего общественнаго устройства? Ей одной, по вашему мнѣнію, принадлежитъ иниціатива всѣхъ улучшеній, вызываемыхъ успѣ-

хами просвѣщенія. Чтобы поддержать эту чудовищную систему, вы держите два милліона человѣкъ подъ оружіемъ; вы заставили всѣ суды признать ваши начала; вы побудили всѣ духовенства, римское, протестантское и греческое, проповѣдывать еретическое ученіе, что власть Кесаря есть направляющая власть въ христіанскомъ обществѣ". Вслѣдствіе этого, всѣ народы отъ васъ отвернулись, хотя вы прикрываетесь христіанскими началами, но ваши личные интересы слишкомъ тутъ явны. Всѣ принимаемыя вами мѣры ведутъ не къ улучшенію судьбы, а къ вящему отягощенію бѣднѣйшаго класса. Вы увеличили подати, и увеличиваете ихъ ежегодно для поддержанія вашихъ наемныхъ армій и роскоши вашихъ придворныхъ. Тотъ классъ общества, которому вы оказываете особенное покровительство, есть дворянство, котораго права, также какъ и ваши, основаны единственно на мечѣ. „Князья, — восклицаетъ Сенъ-Симонъ, — послушайте голосъ Бога, говорящаго вамъ моими устами; будьте вновь добрыми христіанами; перестаньте видѣть главную свою опору въ наемныхъ войскахъ, въ дворянствѣ, въ еретическихъ духовенствахъ и въ развращенныхъ судьяхъ; соединенные во имя христіанства, умѣйте исполнять тѣ обязанности, которыя оно налагаетъ на сильныхъ; вспомните, что оно предписываетъ имъ употреблять всѣ свои силы къ возможно скорому увеличенію общественнаго счастія бѣдныхъ" (стр. 380—383).

Такимъ образомъ, Сенъ-Симонъ окончательно обратился не только противъ Священнаго Союза, но и противъ самой королевской власти, на которую онъ недавно еще возлагалъ самую твердую надежду. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ хотѣлъ доказать научное превосходство новаго христіанства надъ существующими ученіями и вмѣстѣ развить его мораль, его богослуженіе и его догму (стр. 377); но смерть не дала ему исполнить эту работу. Вмѣсто новой религіи, все ограничилось провозглашеніемъ давно извѣстнаго нравственнаго начала, котораго практическое приложеніе осталось въ полномъ туманѣ.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы Сенъ-Симонъ успѣлъ привести свой трудъ къ окончанію, то этимъ обнаружилась бы только полная несостоятельность его ученія. Его новое христіанство является не развитіемъ, а рзвращеніемъ стараго. Христосъ обращался къ человѣческой совѣсти; онъ указывалъ людямъ загробную цѣль — вѣчное блаженство въ единеніи съ Богомъ; но онъ не выступалъ реформаторомъ человѣческихъ обществъ. Онъ не поручалъ апостоламъ объявлять власть Кесаря нечестивою и низвергнуть его во имя принесенныхъ имъ началъ, какъ увѣряетъ Сенъ-Симонъ; напротивъ, онъ говорилъ, что царство его не отъ міра сего, но требовалъ, чтобы Кесарю воздавалось то, что ему принадлежитъ. И это дѣлалось не изъ политическихъ видовъ, потому что въ то время съ Кесаремъ трудно было бороться, а потому, что это требовалось самымъ существомъ нравственности, которое есть начало свободное, а не принудительное. Та метафизическая область, о которой Сенъ-Симонъ говоритъ съ такимъ презрѣніемъ, есть именно нравственный міръ, составляющій существенное содержаніе христіанства. Общественное же устройство основано на принудительномъ началѣ, то-есть на правѣ, которое имѣетъ иное происхожденіе, нежели нравственность. Основать общество на нравственномъ началѣ можно только насилуя человѣческую совѣсть, что представляетъ извращеніе нравственности. Въ этомъ именно состоялъ великій грѣхъ средневѣковой церкви. Папы не хотѣли довольствоваться принадлежащею имъ нравственною областью; они хотѣли, во имя нравственности, подчинить себѣ и всю свѣтскую область, а это повело къ борьбѣ, въ которой они окончательно были побѣждены, ибо исполненіе этой задачи было невозможно. Инквизиція, которую папы установили для поддержанія своей власти, представляла самое вопіющее противорѣчіе съ самыми основными началами христіанской нравственности. Этимъ осуждалась навѣки всякая попытка основать принудительный порядокъ на чисто нравственномъ началѣ. Мы увидимъ ниже дальнѣйшее развитіе этого ученія.

Несмотря однако на эти коренные недостатки взглядовъ Сенъ-Симона, въ его ученіи были начала, которыя должны были сильно дѣйствовать на современниковъ. Горячая вѣра въ прогрессъ человѣчества, стремленіе на мѣсто разрушительныхъ теорій XVIII вѣка вызвать къ жизни созидающія начала, раздоры замѣнить единеніемъ, вмѣсто умноженія военной силы направить общество къ мирнымъ занятіямъ, наконецъ, указаніе обществу высшей нравственной цѣли—заботы объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта бѣднѣйшихъ классовъ, все это не могло не увлекать умы, стремившіеся къ высшему идеалу. Это была искра, которая, падая на горючіе матеріалы, могла произвести цѣлый пожаръ. И точно, Сенъ-Симонъ едва закрылъ глаза, какъ школа его проявилась въ новомъ блескѣ и стала привлекать къ себѣ большее и большее число послѣдователей. Это сдѣлалось, главнымъ образомъ, благодаря двумъ даровитымъ людямъ, ставшимъ во главѣ ея. То были Базаръ (Bazard) и Анфантенъ (Enfantin).

Задача состояла въ томъ, чтобы отрывочныя и нерѣдко противорѣчивыя мысли Сенъ-Симона связать въ цѣльную систему, обнимающую всѣ стороны человѣческой жизни. Это и предпринялъ Базаръ, сперва въ журналѣ, который издавался подъ именемъ *Производителя* (Le Producteur), а затѣмъ въ публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ въ 1829 году. Онѣ были изданы подъ заглавіемъ: *Ученіе Сенъ-Симона* (Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Première année 1829).

Въ основаніе полагается философскій взглядъ на развитіе человѣчества. До сихъ поръ исторія разсматривалась только какъ собраніе фактовъ и событій, въ которыхъ дѣятелями являлись индивидуумы. Думали, что одни и тѣ же факты могутъ повторяться въ разныя эпохи, и старались извлечь изъ прошлаго уроки для настоящаго. Даже тѣ мыслители, которые пришли къ идеѣ совершенствованія, не умѣли ее опредѣлить, показать ея содержаніе и на этомъ основаніи классифицировать факты и связать ихъ въ одно цѣлое. Сенъ-

Симонъ понялъ человѣчество, какъ собирательное существо, которое растетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе по присущему ему физіологическому закону развитія, такъ же какъ единичная особь растетъ въ послѣдовательности возрастовъ. Фактъ, опредѣляющій это движеніе, есть *нравственная* идея, въ силу которой человѣкъ сознаетъ въ себѣ *общественное призваніе*. Политическое устройство есть осуществленіе этой идеи, приложеніе ея къ сохраненію и прогрессу общественныхъ отношеній. Эта идея выражается въ троякой формѣ: какъ чувство, какъ знаніе и какъ дѣятельность. Въ области чувства прогрессъ состоитъ въ постепенной замѣнѣ взаимной ненависти связью любви, въ области знанія—въ искорененіи предразсудковъ положительною наукой, въ области матеріальной дѣятельности—въ замѣнѣ военной силы промышленностью. Цѣлью всего этого движенія является *всемірная ассоціація*. Опираясь на этотъ законъ, мы можемъ точно опредѣлить всѣ фазы развитія и на основаніи прошлаго предсказывать будущее (2-е Séance, стр. 43—53).

Этотъ процессъ не идетъ однако однообразнымъ порядкомъ. Въ исторіи замѣчаются эпохи *органическія* и эпохи *критическія*. Въ первыя все сводится къ одному началу, установляется общая система, исходящая изъ центра и которой всѣ подчиняются. Управляющіе и управляемые связаны другъ съ другомъ узами любви; все направлено къ единой цѣли. Въ эти эпохи ставятся и получаютъ, по крайней мѣрѣ, частное рѣшеніе высшіе вопросы, занимающіе человѣческій умъ: каково назначеніе въ отношеніи къ себѣ подобнымъ и къ Богу. Самое начало, которому всѣ подчиняются, связываетъ человѣка съ Божествомъ. Поэтому органическія эпохи носятъ на себѣ характеръ преимущественно религіозный. Въ критическія эпохи, напротивъ, господствующая система подвергается разложенію: первенствующее значеніе получаетъ отрицательная критика. Люди тянутъ врозь, каждый на свою сторону; вмѣсто любви въ обществѣ водворяется эгоизмъ, а вслѣдствіе того, вну-

тренняя борьба. Религія падаетъ; поэзія исчезаетъ; въ наукѣ, вмѣсто общихъ взглядовъ, является стремленіе къ изученію частностей. Общество, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ картину полной анархіи. (3-й Séance, стр. 71—75).

Критическія эпохи настаютъ тогда, когда господствующая система перестаетъ удовлетворять требованіямъ прогрессирующаго человѣчества. Являются новыя силы, которыя вступаютъ въ борьбу со старыми и, наконецъ, разрушаютъ обветшавшее зданіе, которое не въ состояніи себя защитить. До сихъ поръ мы видимъ въ исторіи двѣ органическихъ эпохи и двѣ критическихъ. Первая органическая эпоха предшествовала развитію греческой философіи. Она была основана на многобожіи и рабствѣ. Первое было сведеніемъ къ общей системѣ разсѣянныхъ вѣрованій; второе было первою формой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Это былъ значительный шагъ впередъ противъ варварскаго истребленія враговъ. Рабы пріучались къ труду, а господа получали досугъ для умственнаго образованія. Но на такой системѣ человѣчество не могло остановиться. Греческая философія нанесла смертельный ударъ многобожію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основанному на немъ порядку. Сошли со сцены и самые народы, которые были его носителями. Нужны были новыя созидающія начала, и они явились въ христіанствѣ. Оно уничтожило древнее рабство, провозгласивъ, что всѣ люди братья и равны передъ Богомъ. Изъ низшихъ слоевъ выдвигались способнѣйшіе люди, которые становились во главѣ церковнаго управленія. Европейскіе народы связаны были общею системою, которою руководила духовная власть. Это была вторая органическая эпоха въ развитіи человѣчества. Но и эта система, въ свою очередь, отжила свой вѣкъ. Она не могла удовлетворить потребности всеобщей ассоціаціи. Христіанскія начала держались въ отвлеченной области и не проникали всѣ общественныя отношенія. Въ свѣтской области всюду кипѣла вражда. Свѣтская власть была основана на военной силѣ, что вело къ притѣсненію слабыхъ. Самое раздѣленіе вла-

стей, духовной и свѣтской, было основано не на различіи призваній, а на соперничествѣ за преобладаніе, а это порождало безпрерывныя столкновенія. Находясь въ постоянной борьбѣ, духовенство заражалось пороками того общества, среди котораго оно дѣйствовало; отсюда злоупотребленія, которыя неминуемо должны были вести къ паденію католической церкви. Съ реформаціи начинается вторая критическая эпоха, которая привела наконецъ къ Французской революціи и среди которой мы и теперь живемъ (5-й Séance).

Въ критическія эпохи можно различать два періода: въ первый совершается дѣло разрушенія порядка, ставшаго всѣмъ ненавистнымъ; второй простирается отъ разрушеній стараго до созиданія новаго. Въ послѣднемъ анархія потеряла свой насильственный характеръ, но ощущается общій разладъ чувствъ, явленій и дѣйствій. Это и есть современное наше состояніе. Напрасно провозвѣстники свободы смотрятъ на это, какъ на преходящее зло, и видятъ совершенство человѣчества въ системѣ гарантій, узаконяющихъ взаимное недовѣріе. Не для такихъ ничтожныхъ результатовъ цѣлые вѣка работало человѣчество. Если мы взглянемъ на существенное содержаніе общественной жизни, на развитіе наукъ, промышленности, искусства, мы всюду видимъ только разлагающія, а не созидающія начала. Въ наукахъ накопляются изслѣдованія частностей, но нѣтъ связующаго взгляда. Это—не болѣе какъ собраніе фактовъ, безъ всякой философской мысли. Анархія тутъ полная. То же замѣчается и въ промышленной области. Все тутъ основано на личномъ интересѣ, то-есть на эгоизмѣ, который работаетъ за себя и для себя. Это возводится даже въ теорію: вмѣсто разумной организаціи труда, экономисты проповѣдуютъ полную свободу промышленности, какъ будто предполагая, что начальники невѣжественнѣе подчиненныхъ, и вмѣсто содѣйствія промышленности стараются полагать ей всякія препятствія, видя въ производителяхъ прирожденныхъ своихъ враговъ. Отсюда необузданная кон-

куренція, которая ведетъ къ нескончаемой борьбѣ, къ погибели слабѣйшихъ и къ торжеству хитрости и обмана. Наконецъ, въ области искусства поэзія исчезла и осталась только техника. Единственныя формы, въ которыхъ проявляется одушевленіе, суть сатира и элегія, выражающія противообщественныя чувства. Когда въ обществѣ нѣтъ любви, поэзія исчезаетъ: она не можетъ быть выраженіемъ эгоизма.

Все это доказываетъ, что настало время для провозглашенія новаго ученія, которое вмѣсто анархической свободы должно положить созидающія начала. Не ограничиваясь политическими гарантіями, оно должно обнимать всего человѣка, всѣ стороны его жизни. Вмѣсто господствующаго нынѣ эгоизма должна быть поставлена *любовь въ общей семьѣ человѣчества*. Это ученіе принесъ Сенъ-Симонъ (1-й Séance).

Такова историческая теорія Сенъ-Симонистовъ. Нельзя не признать, что въ ней есть много глубокаго и вѣрнаго. Это—тоже воззрѣніе, которое одновременно развивалось въ нѣмецкой философіи и нашло высшаго своего представителя въ Гегелѣ,—доказательство, что оно вытекало изъ общаго движенія мысли и было плодомъ всего предшествующаго развитія. Но у Сенъ-Симона этотъ взглядъ явился какъ бы инстинктивно; у Гегеля же онъ связанъ былъ съ цѣлою строго обдуманною системой, обнимавшею все мірозданіе. Поэтому и пониманіе было гораздо глубже: исторія представлялась какъ развитіе духа по присущему ему діалектическому закону, вытекающему изъ самаго разума. У Сенъ-Симонистовъ это философское пониманіе историческаго закона совершенно отсутствуетъ; различныя міросозерцанія смѣняютъ другъ друга безъ ясной раціональной связи. Ниже мы увидимъ, что и у нихъ проглядывало понятіе о средневѣковомъ дуализмѣ; но оно не было развито у нихъ въ систематическое воззрѣніе. Съ другой стороны, однако, мы видѣли, что и у Гегеля приложеніе діалектическаго закона къ историческимъ явленіямъ было неправильно: онъ понялъ средневѣковой міръ не какъ явленіе

дуализма, а какъ начало высшаго синтеза. Въ этомъ отношеніи Сенъ-Симонисты, съ ихъ живымъ взглядомъ на исторію, имѣютъ важное преимущество: смѣна органическихъ эпохъ и критическихъ есть мысль блестящая, которая существенно восполняетъ воззрѣнія Гегеля.

Нѣмецкій философъ имѣлъ и другое важное преимущество передъ французскими публицистами. Въ нѣмецкихъ теоріяхъ прогресса, начиная съ Канта, цѣлью развитія, такъ же какъ у французовъ, полагается совершенное общественное устройство. Но у Гегеля въ особенности, центральнымъ пунктомъ этого развитія является идея государства, какъ верховнаго союза, стоящаго во главѣ всѣхъ остальныхъ. Философія права Гегеля, представляющая глубокомысленное развитіе началъ, присущихъ всѣмъ человѣческимъ союзамъ и истинное пониманіе ихъ взаимныхъ отношеній, освѣщаетъ существенныя стороны философіи исторіи, а потому составляетъ драгоцѣнное ея восполненіе. У Сенъ-Симонистовъ же, какъ и у основателя школы, мы находимъ полное отсутствіе понятія о правѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объ основанныхъ на правѣ общественныхъ союзахъ. Наука, искусство, религія, промышленность, вотъ что, въ глазахъ Сенъ-Симона, составляло содержаніе всей общественной жизни. Потребность началъ, объединяющихъ и связывающихъ различныя стороны общественной жизни въ одно живое цѣлое, отъ него ускользала. Онъ воображалъ, что можно довольствоваться одною нравственностью и подчинять ей все остальное. Ученики его, какъ увидимъ, пришли къ потребности государства; но такъ какъ ни идея государства, ни отношеніе его къ другимъ союзамъ не были ими развиты, то все у нихъ смѣшалось въ одно хаотическое представленіе, изъ котораго ничего не могло выйти, кромѣ утопіи.

Сенъ-Симонисты возвѣщали уже не преходящую, а *окончательную* организацію человѣчества, всемірную ассоціацію, устроенную исключительно въ виду *прогресса*, т.-е. непрерывнаго улучшенія нравственнаго, физическаго и умствен-

наго состоянія человѣческаго рода (стр. 90, 100). Что же за устройство? На какихъ началахъ оно должно быть основано?

Ассоціаціи, или единенію, противополагается *антагонизмъ*. Послѣдній ведетъ къ господству сильнѣйшаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ *эксплуатаціи человѣка человѣкомъ*. Это и есть то явленіе, которое характеризуетъ всѣ предшествующія ступени развитія. Прогрессъ состоитъ въ томъ, что антагонизмъ постепенно ослабѣваетъ, а начало ассоціаціи постепенно растетъ. Въ древнемъ мірѣ эта эксплуатація является въ видѣ рабства, которое замѣнило прежнее истребленіе враговъ. У раба нѣтъ никакихъ правъ; онъ низводится на степень вещи. Христіанство положило конецъ этому порядку вещей; оно связало господина и раба узами религіи; оно признало ихъ равными передъ Богомъ. Рабство замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ; крѣпостной привязанъ уже не къ господину, а къ землѣ; у него есть семья; присвоенное ему имущество охраняется закономъ. Однако и это только полусвобода: эксплуатація продолжается въ видѣ лежащихъ на крѣпостныхъ многообразныхъ повинностей въ пользу господина. Наконецъ, и эта связь исчезаетъ; крѣпостные становятся свободными и договариваются съ хозяевами, какъ равные съ равными. Но исчезаетъ ли черезъ это антагонизмъ? Свобода и равенство тутъ только кажущіяся, и эксплуатація продолжается, хотя въ менѣе рѣзкой формѣ. Рабочій все еще потомокъ древняго раба; договоръ его съ хозяиномъ не свободенъ, ибо онъ заключается подъ гнетомъ нужды. Стоитъ взглянуть на то, что происходитъ вокругъ насъ, чтобы убѣдиться, что рабочій эксплуатируется матеріально, умственно и нравственно, такъ же какъ древній рабъ. Онъ весь поглощенъ физическимъ трудомъ, доставляющимъ ему только скудныя средства существованія, и не имѣетъ возможности развивать ни свои умственныя способности, ни свои нравственныя стремленія (4 Séance, 6 Séance, стр. 103—105).

Гдѣ же кроется причина такого неестественнаго порядка

вещей, обрекающаго огромное большинство человѣческаго рода на постоянную нищету? Она лежитъ въ идущемъ отъ завоеванія устройствѣ *собственности*, сосредоточивающемъ всѣ орудія производства въ рукахъ немногихъ лицъ, которыя могутъ пользоваться ими для своихъ выгодъ, даже безъ всякаго труда. Собственность безспорно составляетъ основаніе всякаго политическаго быта; но, также какъ и всѣ общественныя учрежденія, она подлежитъ закону прогресса, а потому въ разныя эпохи можетъ получить различное устройство. Было время, когда собственностью считались и люди; теперь эта форма собственности исчезла. Законъ измѣняетъ и способы ея передачи: сперва собственникъ имѣлъ право произвольно завѣщать свое имущество, кому хотѣлъ; затѣмъ учреждено было право первородства; наконецъ, установленъ равный раздѣлъ имущества между наслѣдниками. Съ тѣмъ вмѣстѣ фактически уменьшалась и доходность собственности, то-есть право взимать извѣстную плату съ чужого труда въ видѣ аренды или процента. Привилегія жить въ праздности пріобрѣтается и сохраняется съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе она существуетъ, и это составляетъ корень всѣхъ современныхъ золъ. Между тѣмъ какъ другія привилегіи уничтожены, осталась одна—владѣніе имуществомъ не по праву способности, а по праву рожденія; эта привилегія есть наслѣдство. Прогрессъ человѣчества ведетъ къ его уничтоженію; это—единственное средство установить всемірную ассоціацію, уничтоживъ антагонизмъ, возникающій изъ раздѣленія людей на праздныхъ и работающихъ. Не семейство, а *государство*, которое становится *ассоціаціей работающихъ*, должно наслѣдовать накопленное имущество, составляющее *средства производства* (стр. 108—111, 115, 143).

Мы видимъ, какой громадный шагъ сдѣлали Сенъ-Симонисты противъ ученія главы школы. Ратуя противъ класса праздныхъ людей и противополагая имъ работающихъ, Сенъ Симонъ не касался началъ собственности; мы видѣли, что относительно организаціи промышленной области онъ раз-

дѣлялъ взгляды Адама Смита и Сея. Очевидно однако, что это была непослѣдовательность мысли; нельзя заставить всѣхъ людей работать, не уничтоживъ собственности, которая даетъ возможность жить въ праздности. Это хорошо поняли послѣдователи Сенъ-Симона; они смѣло приложили руку къ самому корню предполагаемаго зла. Но съ уничтоженіемъ наслѣдства исчезалъ весь существующій общественный строй. Вмѣсто частной дѣятельности, которой держался еще Сенъ-Симонъ, воздвигалось новое юридическое лицо, государство, какъ распредѣлитель всѣхъ вещественныхъ благъ; вмѣсто наименьшаго управленія, являлась всеохватывающая общественная организація.

Сенъ-Симонисты строго отличали однако этотъ порядокъ отъ общенія имуществъ. Въ послѣднемъ полагается общее равенство, такъ что тунеядецъ пользуется тѣми же правами, какъ и работникъ; въ будущей же организаціи человѣчества каждый получаетъ сообразно съ тѣмъ, что онъ заслужилъ. Распредѣленіе благъ совершается по формулѣ: „каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ“. Это и есть то нравственное начало, которое должно связывать умственный порядокъ съ матеріальнымъ, общій интересъ съ частнымъ. Вмѣсто силы, основаніемъ собственности становится мирный трудъ, вмѣсто случайности рожденія—способность. Прекращается праздная жизнь на чужой счетъ, а масса освобождается отъ рабства, въ которое ввергаетъ ее безысходная нищета. Этотъ порядокъ, удовлетворяющій высшимъ требованіямъ права, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ, который приноситъ обществу наибольшую пользу. И въ настоящее время собственники должны разсматриваться, какъ хранители (dépositaires) орудій производства, обязанные распредѣлять ихъ между работниками. Но такъ какъ эти орудія достаются имъ случайно, въ силу рожденія, то и распредѣленіе совершается случайно людьми разобщенными, незнающими ни потребности промышленности, ни средствъ ихъ удовлетворить, что прямо противорѣчитъ общественной пользѣ. Въ новомъ порядкѣ, напро-

тивъ, распредѣленіе будетъ совершаться общественнымъ учрежденіемъ, во главѣ котораго стоятъ способнѣйшіе люди. Имѣя развѣтвленія всюду, оно знаетъ всѣ потребности какъ общія, такъ и личныя, и сообразно съ этимъ даетъ направленіе всему производству, соразмѣряя его съ потребленіемъ. Такимъ образомъ, въ этомъ новомъ мірѣ умственныя и нравственныя гарантіи существуютъ такъ же, какъ матеріальныя; кругъ людей, изъ которыхъ берутся *начальники* или *князья* промышленности, простирается на все человѣчество, чѣмъ обезпечивается выборъ способнѣйшихъ; безпорядокъ, проистекающій отъ недостатка общаго соглашенія и слѣпого распредѣленія орудій производства исчезаетъ; трудъ организуется; раздѣленіе занятій совершенствуется и соединеніе силъ становится ежедневно болѣе могущественнымъ (стр. 111—122).

Таковъ переходъ отъ критической эпохи къ органической. Подобно тому, какъ въ средніе вѣка, разсѣянныя и борющіяся другъ съ другомъ военныя силы были связаны феодальною системою, въ настоящее время предстоитъ систематическая организація мирныхъ промышленныхъ силъ. Критическая эпоха разрушила всѣ прежнія корпоративныя связи, которыя оказались недостаточными; но она замѣнила ихъ чисто отрицательнымъ началомъ, *безграничной конкурренціей*, которая есть ничто иное, какъ постоянная война между лицами и народами. Каждый старается подорвать соперниковъ, вслѣдствіе чего обманъ становится главнымъ орудіемъ успѣха. Безпрерывныя катастрофы и разоренія постигаютъ промышленный міръ. Это узаконеніе безпорядка и всѣхъ проистекающихъ изъ него бѣдствій и пороковъ, между тѣмъ какъ люди призваны не враждовать, а помогать другъ другу. Однако и въ этомъ хаосѣ проявляются ужъ инстинктивныя стремленія къ организаціи. Таково учрежденіе *банковъ*, которые становятся посредниками между работниками, нуждающимися въ средствахъ производства, и владѣльцами этихъ средствъ, которые не знаютъ, что съ ними дѣлать. Банки исполняютъ должность распредѣлителей; но это не

болѣе какъ грубый зачатокъ надлежащаго устройства. И тутъ собственники стараются взимать какъ можно большую подать съ работниковъ. Притомъ, дѣятельность ихъ случайна и разрознена, а потому не соотвѣтствуетъ потребностямъ промышленности. Ихъ надобно организовать въ общую централизованную систему, развѣтвляющуюся на все человѣчество. Центральный банкъ будетъ представлять правительство въ матеріальной области; въ его рукахъ будутъ находиться всѣ орудія производства, которыя черезъ подчиненные ему банки будутъ распредѣляться по всѣмъ странамъ земного шара. Къ этому центральному учрежденію стекаются всѣ потребности и отъ него исходятъ всѣ распоряженія. Оно даетъ кредитъ мѣстнымъ банкамъ по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, а послѣдніе уже распредѣляютъ кредитъ между отдѣльными лицами. Въ центральномъ банкѣ сосредоточивается и совокупность ежегодныхъ произведеній промышленности. Часть ихъ выдѣляется на содержаніе двухъ другихъ общественныхъ классовъ, призванныхъ развивать умъ и чувства людей. Остальное распредѣляется между работниками сообразно съ должностью каждаго, не въ видѣ дохода, а въ видѣ жалованія или пенсіи. Ибо въ этой системѣ работники являются такими же должностными лицами, какъ офицеры въ полку. Отъ высшихъ начальниковъ зависитъ опредѣленіе каждаго на то мѣсто, которое приходится ему по способностямъ. Отъ нихъ же зависитъ и открытіе ему кредита на средства производства. Если онъ не получаетъ того, что проситъ, то это значитъ, что *компетентное* начальство сочло его болѣе способнымъ къ другому дѣлу. Конечно, тутъ могутъ быть и ошибки, но шансы ихъ меньше тамъ, гдѣ распредѣленіе совершается людьми съ высшими способностями, становящимися на общую точку зрѣнія и изъятыми отъ всякой узкой спеціальности (стр. 123—135).

Такая система, по увѣренію сенъ-симонистовъ, не является ниспроверженіемъ существующаго порядка; она должна водвориться не насиліемъ, а путемъ *эволюціи*, посте-

пеннымъ превращеніемъ господствующаго нынѣ безпорядка въ организованную систему. И это непремѣнно должно совершиться. Прошлая исторія человѣчества даетъ намъ возможность предсказывать будущее (стр. 137—9).

Сенъ-Симонисты понимали, однако, что такая строгая организація промышленнаго міра, простирающаяся на все человѣчество, немыслима безъ общаго оживляющаго ее духа. Надобно, чтобы всѣ мысли и чувства направлялись къ единой цѣли, а главное, чтобы распоряжающіеся всѣмъ власти были предметомъ общей любви и уваженія. Только это и дѣлаетъ власть законною. Иначе, вмѣсто единенія водворится вящій антагонизмъ. Достиженію этой цѣли содѣйствуетъ, прежде всего, *воспитаніе*. Оно не должно ограничиваться, какъ теперь, однимъ дѣтскимъ возрастомъ, но должно простираться и на послѣдующую жизнь, развивая всѣ три стороны человѣка: чувства, разумъ и матеріальную дѣятельность, подъ руководствомъ людей самыхъ нравственныхъ, самыхъ просвѣщенныхъ и наиболѣе заинтересованныхъ въ умноженіи богатства. По самому существу дѣла, воспитаніе имѣетъ двоякую задачу: съ одной стороны, оно должно развить въ людяхъ чувства и мысли общія всѣмъ, внушить каждому любовь ко всѣмъ, связать всѣ воли въ единую волю и направить ихъ къ общей цѣли; съ другой стороны оно должно передать лицамъ тѣ свѣдѣнія, которыя необходимы для спеціальнаго ихъ мѣста и назначенія въ общемъ устройствѣ. Первое есть воспитаніе общее, или нравственное, второе—спеціальное, или профессіональное (9 Séance, стр. 169 – 172).

Первое, безспорно, есть самое важное, ибо отъ него зависитъ общее направленіе ассоціацій; а между тѣмъ, въ настоящее время оно находится въ полномъ пренебреженіи. Только въ ученіи католической церкви сохранились еще кой-какія правила морали, превратившіяся въ чистую рутину; свѣтская мораль въ теоріяхъ самыхъ видныхъ ея представителей, сводится къ началу хорошо понятаго интереса, то-есть, къ *эгоизму* лица, которое все относитъ къ себѣ, какъ

къ центру всѣхъ своихъ отношеній. Съ этимъ связано и господствующее нынѣ мнѣніе, что въ воспитаніи разумъ долженъ имѣть первенство надъ чувствомъ. Между тѣмъ, не разумъ полагаетъ цѣли, а чувство; задача разума состоитъ лишь въ томъ, чтобы изслѣдованіемъ фактовъ *провѣрить* эти указанія; задача, безпорно, весьма важная, но доступная лишь немногимъ. Для того, чтобы усвоить себѣ всю цѣпь разумныхъ доказательствъ, надобно осилить всю науку, а это недоступно массѣ, которая всегда будетъ руководствоваться болѣе чувствомъ, нежели разумомъ. Даже для избранныхъ, посвятившихъ себя изученію науки, одного убѣжденія недостаточно для того, чтобы внушить имъ *любовь* къ общему дѣлу; это опять дѣло чувства. Оно возбуждается людьми, способными сообщить другимъ одушевляющій ихъ энтузіазмъ, а это и есть главная пружина общественнаго единенія и развитія (стр. 172—194).

Отъ общаго направленія зависитъ и спеціальное воспитаніе. При прежнихъ системахъ распредѣленіе людей по разнымъ профессіямъ совершалось главнымъ образомъ въ силу случайности рожденія, что вело къ раздѣленію классовъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Въ будущемъ обществѣ, гдѣ всякая привилегія и эксплуатація устраняются, это распредѣленіе должно совершаться по способностямъ и призванію каждаго. Это можетъ быть только результатомъ общественнаго *предвѣданія*, а потому должно составлять предметъ *политической* функціи. Предоставленіе этой классификаціи свободной конкурренціи способно породить только полную анархію. Однако не слѣдуетъ думать, что она основана на насиліи. Получаемое всѣми нравственное воспитаніе превращаетъ въ *долгъ* и въ предметъ *любви* и обязанности, налагаемыя *истинными* правителями общества, *законными* его начальниками (11 Séance, стр. 194—7).

При всемъ томъ, всегда могутъ быть уклоненія отъ требуемаго обществомъ распорядка. Поэтому воспитаніе дол-

жно восполняться *законодательствомъ*. Послѣднее имѣетъ въ виду *охраненіе* нравственнаго закона и *преподаваніе* его въ извѣстной формѣ, въ приложеніи къ *исключительнымъ* явленіямъ общественной жизни, какъ нравственнымъ, такъ и безнравственнымъ, заслуживающимъ поэтому похвалы или порицанія. Въ настоящее время, когда затмились нравственныя начала, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли великія нравственные способы, посредствомъ которыхъ общество дѣйствуетъ на лица, система наградъ не существуетъ; все ограничивается насильственнымъ подавленіемъ дѣйствій вредныхъ для общества. Самая магистратура, которой ввѣряется судъ, потеряла свой нравственный характеръ и сдѣлалась предметомъ недовѣрія. Это ясно изъ того, что высшею гарантіей правильнаго суда считается институтъ присяжныхъ, то-есть, предоставленіе случайности жребія высшаго суда надъ человѣческими поступками. Не такъ было въ средніе вѣка, когда существовала высшая правительственная власть; она имѣла въ рукахъ и могучія нравственныя средства: съ одной стороны отлученіе отъ церкви, съ другой стороны канонизацію, наконецъ, индульгенціи, прежде нежели онѣ стали предметомъ постыдной торговли. Съ паденіемъ церковнаго авторитета нравственную санкцію ищутъ въ темной глубинѣ личной совѣсти и въ шаткомъ общественномъ мнѣніи. Въ обществѣ будущаго эти печальныя созданія индивидуализма замѣнятся властью, любимою и уважаемою всѣми. Система наказаній будетъ имѣть въ виду не месть, а *исправленіе* уклоняющихся отъ общественной цѣли; оно будутъ средствомъ нравственнаго *воспитанія*. Приложеніе ихъ будетъ ввѣрено не случайности жребія, а людямъ, стоящимъ во главѣ различныхъ отраслей дѣятельности, а потому знающихъ, что вредно и что полезно, что есть законъ и что уклоненіе. Сообразно съ троякимъ раздѣленіемъ общества, приговоры будутъ произноситься руководителями чувствъ, разума и матеріальной дѣятельности. Имъ должна принадлежать и законодательная власть. Она будетъ опредѣляться высшею способ-

ностью, а не такъ какъ нынѣ, обладаніемъ извѣстнаго имущества, то-есть признакомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ знаніемъ и способностью и отдающимъ власть въ руки тунеядцевъ. Съ уничтоженіемъ наслѣдства отпадутъ и всѣ процессы, возникающіе изъ личной собственности. Іерархически организованная власть, распредѣляюшая имущества между лицами, будетъ и естественнымъ судьею всѣхъ возможныхъ столкновеній и недоразумѣній. И эта всѣмъ завѣдующая и все распредѣляющая власть, соединяющая въ себѣ законодателя и судью, не будетъ, какъ нынѣ, предметомъ недовѣрія и вражды. Съ перемѣною чувствъ люди возвратятся къ высшей добродѣтели людей, имѣющихъ одну цѣль,—*къ повиновенію* во имя любви (12 Séance).

Но для того, чтобы совершить эту перемѣну чувствъ, отъ которой зависитъ вся организація, необходимо высшее начало: нужна *религія*. Сенъ-Симонисты крѣпко стояли за религіозную будущность человѣчества. Они доказывали, что распространенное нынѣ безвѣріе есть только плодъ критической эпохи, въ которой старое зданіе разрушено, а новое еще не воздвиглось. Они опровергали и появившіяся въ то время ученія бывшаго послѣдователя Сенъ-Симона Огюста Конта, который всю исторію человѣчества распредѣлялъ на три слѣдующія другъ за другомъ эпохи: богословскую, метафизическую и положительную. Эти эпохи, говорилъ Базаръ, представляютъ только переходы отъ органической эпохи къ критической; но это вовсе не исключаетъ явленія новой органической эпохи съ религіознымъ характеромъ. Положительныя науки, изслѣдующія частныя сферы, ничего не говорятъ противъ основаній всякой религіи: идеи Бога и общаго плана Провидѣнія. Въ настоящее время это не болѣе какъ отрывки знанія, лишенные всякой общей связи. Но какъ скоро стать на болѣе возвышенную точку зрѣнія, связать разсѣянные факты въ цѣльное зданіе, понять отношенія человѣка къ окружающему его міру и его назначеніе, такъ мы неизбѣжно приходимъ къ общему міровому плану, а слѣдовательно и къ признанію, что Богъ

управляетъ вселенной. Таково было всегда инстинктивное убѣжденіе человѣческаго рода. Религія есть міровой фактъ, и наука призвана его подтвердить. Она разрушаетъ системы, не соотвѣтствующія болѣе успѣхамъ просвѣщенія, но на мѣсто стараго зданія воздвигается новое. Нынѣ средневѣковая система потеряла свою власть надъ умами; но мы имѣемъ уже зачатки новой религіи: Сенъ-Симонъ явился (13-ème et 14-ème Séances).

Такимъ образомъ, ключомъ къ возвѣщаемой организаціи человѣческаго рода является созданіе новой религіи. Но именно на этомъ Сенъ-Симонизмъ рушился. Недостаточно было проповѣдовать, какъ нѣчто новое, давно извѣстное начало любви, какъ дѣлалъ Сенъ-Симонъ. Надобно было выработать догму и приложить ее къ различнымъ сторонамъ человѣческой жизни, а для этого у Сенъ-Симонистовъ не доставало глубины религіознаго пониманія и чувства. Вожатаемъ школы по этому пути явился уже не болѣе или менѣе трезвый Базаръ, а пламенный Анфантенъ. Одаренный пылкимъ воображеніемъ и безграничною самоувѣренностью, способный сообщать свой энтузіазмъ окружающимъ его сектантамъ, онъ смѣло пошелъ по новой дорогѣ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ; но именно это привело школу сперва къ распаденію, а потомъ къ окончательному крушенію.

Сообразно съ полнымъ внутреннимъ единствомъ, которое представлялось имъ идеаломъ будущей организаціи, понятіе о Богѣ, которое развивали Сенъ-Симонисты, было чисто пантеистическое. „Богъ есть все, что есть; все въ Немъ и все черезъ Него; никто изъ насъ не находится внѣ Его, но никто изъ насъ не есть Онъ. Каждый изъ насъ живетъ Его жизнью и всѣ мы пріобщаемся въ немъ, ибо онъ есть все, что есть“ [1]). Такова была формула, провозглашенная Анфантеномъ. Съ этой точки зрѣнія, Богъ являлся вмѣстѣ и матеріею и духомъ, въ противоположность чисто духов-

[1]) Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin 1865. III. стр. 187.

ному пониманію христіанства. „Мы прославляемъ его въ его *плоти*, такъ же какъ въ его *духѣ*“, говорилъ Анфантенъ (II, стр. 137). Понятіе о *Богѣ-матеріи* (Dieu-matière) сдѣлалось однимъ изъ коренныхъ вопросовъ Сенъ-Симонизма (II, стр. 72).

Можно сказать, что и это воззрѣніе было плодомъ духа времени. Оно являлось однимъ изъ фазисовъ идеализма, стремившагося сочетать противоположности въ конечномъ единствѣ. Въ Германіи въ то же время пантеизмъ находилъ самое широкое примѣненіе и въ первоначальной школѣ Шеллинга и частью въ школѣ Гегеля. Шеллингъ опредѣлялъ божество, какъ абсолютное тождество или какъ субъектъ-объектъ. Но діалектическій законъ, который лежалъ въ основаніи системъ этихъ мыслителей, велъ къ пониманію мірового бытія въ видѣ ряда ступеней, идущихъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Въ этомъ рядѣ матеріальный міръ являлся только приготовительною ступенью къ высшему развитію духа, представляющему полное выраженіе конечнаго единства. У Сенъ-Симонистовъ же матерія являлась равноправною духу. Будучи явленіемъ божества, она такъ же свята, какъ духъ (V, стр. 40). „Возстановленіе плоти“ (la réhabilitation de la chair), отверженной средневѣковою церковью, сдѣлалось однимъ изъ основныхъ догматовъ сенъ-симонизма. Съ этимъ связывалось поставленіе промышленности наряду съ наукою и признаніе женщины во всемъ равною съ мужчиною (IV, стр. 36, V, стр. 125—129). Отвергая плоть, средневѣковая церковь осуждала и женщину; она требовала безбрачія священниковъ. Новая религія, напротивъ, возстановляя женщину во всѣхъ ея правахъ, связываетъ ее съ мужчиною во всѣхъ сферахъ его жизни: въ храмѣ, въ государствѣ и въ семьѣ. Во главѣ человѣчества должна стоять *чета священниковъ* (le couple prêtre), облеченная верховною властью (IV, стр. 123, 126, 186 и др.).

При этомъ естественно возникалъ вопросъ объ отношеніи мужчины къ женщинѣ. На этомъ мнѣніе Сенъ-Симони-

стовъ разошлось. Базаръ крѣпко стоялъ за нерасторжимость брака; другіе допускали разводъ. Но Анфантенъ шелъ далѣе: онъ указывалъ на то, что въ человѣческой природѣ, кромѣ постояннаго элемента, есть и измѣнчивый, и требовалъ для женщины свободы. Можно думать, что не безъ вліянія на него осталась теорія Фурье, которую онъ внимательно изучалъ. Онъ признавалъ, впрочемъ, что этотъ вопросъ окончательно можетъ быть рѣшенъ только женщиной, которая станетъ во главѣ союза. Но эта женщина не являлась, а между тѣмъ онъ настойчиво проводилъ свои мысли. И точно, начало возстановленія плоти послѣдовательно вело къ освященію плотскихъ влеченій. Въ школѣ происходили ожесточенные споры. Наконецъ, Базаръ вышелъ изъ союза и вскорѣ умеръ отъ огорченія. За нимъ послѣдовали и другіе. Анфантенъ остался во главѣ тѣснаго круга его рьяныхъ послѣдователей. Онъ провозгласилъ себя не только верховнымъ отцомъ союза (père suprême), но и отцомъ человѣчества (père de l'humanité, IV, стр. 192), при чемъ онъ приписывалъ себѣ неограниченную власть (IV, стр. 175). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ отъ теоріи перейти къ практикѣ, основать рабочіе союзы на началахъ сенъ-симонизма. Но эти замыслы оказались неосуществимыми. Широко развѣтвившаяся пропаганда падала; средства скудѣли. Вскорѣ Анфантенъ съ небольшимъ числомъ послѣдователей удалился въ полученное имъ отъ отца имѣніе въ Менильмонтанѣ, недалеко отъ Парижа. Тамъ онъ устроилъ общину, занимался сельскохозяйственными работами, придумалъ себѣ новый костюмъ. Но тутъ ихъ постигло судебное преслѣдованіе: ихъ обвинили въ составленіи общества противнаго закону. Несмотря на горячую защиту, судъ присяжныхъ ихъ обвинилъ. Анфантенъ и трое изъ его послѣдователей подверглись тюремному заключенію [1]). Послѣ этого союзъ окончательно распался. Нѣкоторые изъ его

[1]) Подробности см. у Raybaud: Etudes sur les réformateurs contemporains. и Louis Blanc: Histoire de dix ans.

членовъ, между прочимъ, самъ Анфантенъ, поѣхали въ качествѣ инженеровъ въ Египетъ, гдѣ въ это время Мегметъ-Али затѣвалъ обширныя предпріятія. Другіе пошли своею дорогой. Просіявъ мгновеннымъ блескомъ, занявъ современный міръ шумомъ своихъ новыхъ теорій, сенъ-симонизмъ окончательно сошелъ со сцены. Скоро о немъ совершенно забыли.

Иного исхода онъ не могъ имѣть, ибо предлагаемая имъ организація человѣчества была основана на совершенно ложныхъ началахъ. Сильный въ критикѣ, нерѣдко и въ оцѣнкѣ явленій, онъ былъ безсиленъ въ построеніи. Сведеніе въ общую систему разсѣянныхъ мыслей Сенъ-Симона обнаружило только всю ея несостоятельность. Источникъ этихъ недостатковъ лежитъ въ самомъ коренномъ началѣ, отъ котораго исходили Сенъ-Симонъ и его послѣдователи. Вѣрно указывая на существующій разладъ въ мысляхъ и въ жизни, они искали высшаго, окончательнаго единенія разрозненныхъ элементовъ. Но это единеніе они понимали, какъ полное уничтоженіе всякаго антагонизма, что возможно только при поглощеніи частнаго общимъ, а это противорѣчитъ существу человѣческой природы и самымъ свойствомъ міровыхъ силъ. Конечное единство, которое призвано связать противоположности въ стройную систему, не должно поглощать ихъ въ себѣ, а должно оставлять имъ относительную самостоятельность. Въ этомъ состоитъ законъ развитія. Вся природа представляетъ борьбу частныхъ силъ, несмотря на высшую гармонію вселенной. Въ приложеніи же къ человѣку поглощеніе частнаго общимъ есть отрицаніе личной свободы, составляющей самый корень духовнаго его естества. Къ этому именно ведетъ организація, предложенная Сенъ-Симонистами, какъ признавали сами приверженцы этого ученія [1]). Уничтоженіе наслѣдства есть въ сущности отрицаніе собственности, то-есть личнаго

[1]) „La théorie que le père Enfantin professe sur la femme, n'est qu'un détail de l'ensemble de sa théorie sur l'humanité. Je crois que cette théorie abolit toute la liberté humaine". Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin IV стр. 179.

начала въ приложеніи къ матеріальному міру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—отрицаніе первоначальнаго союза, на которомъ строится весь общественный бытъ, а именно, семейства, котораго необходимую принадлежность составляетъ наслѣдство. Въ системѣ Сенъ-Симонистовъ человѣкъ отрывается отъ своего корня, отъ почвы, его произведшей, каждый начинаетъ съ самого себя. Но это уничтоженіе лежащей въ самой природѣ преемственности поколѣній ведетъ не къ свободѣ, а къ подчиненію, охватывающему всѣ стороны человѣческаго естества. На все человѣчество распространяется всесильная власть, которая опредѣляетъ способности каждаго и даетъ ему соотвѣтствующее этому мѣсто и назначеніе въ общемъ организмѣ. Вмѣсто свободнаго отношенія частныхъ силъ водворяется всемогущая бюрократія, обнимающая желѣзною цѣпью всѣ народы земли. Тщетно Сенъ-Симонисты ссылались на то, что въ ихъ системѣ власть и подчиненіе будутъ связаны узами любви. Любовь есть чувство свободное, и тотъ внутренній духъ, который оживляетъ общество и ведетъ его къ высшему единенію, есть духъ свободы, а не бюрократическаго подчиненія. Повиновеніе тогда только является добровольнымъ, когда лицо всегда можетъ отъ него отрѣшиться, а не тамъ, гдѣ для него нѣтъ иного исхода. Сенъ-Симонисты восторгались средневѣковой системою, но они просмотрѣли въ ней главную ея причину, а именно, что она могла держаться только истребленіемъ еретиковъ. Это было то внутреннее противорѣчіе, которое окончательно привело ее къ крушенію. Вмѣсто того, чтобы выяснить эту кореннную неправду, Сенъ-Симонисты упрекали средневѣковый католицизмъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ ограничивался отвлеченно-общею сферой, а не простирался на всю человѣческую жизнь. Они хотѣли ту же систему, очищенную отъ того, что они называли предразсудками, но что въ сущности составляетъ религіозную связь, распространить на всѣ стороны человѣческой жизни, подчинить ей всю промышленную область, по существу своему требующую сво-

боды. И такъ мало они понимали истинный характеръ общественныхъ отношеній, что всю эту всеобъемлющую организацію, простирающуюся на весь земной шаръ, они считали возможнымъ осуществить посредствомъ всемірной системы банковъ, распредѣляющихъ всѣ имущественныя блага и распоряжающихся судьбою всѣхъ и каждаго. О государствѣ, объ его задачахъ и объ отличіи его отъ гражданскаго общества они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Начала права были имъ совершенно неизвѣстны. По теоріи Сенъ - Симонистовъ, государство, какъ всеобщій наслѣдникъ, должно было замѣнять семейство. Но что такое было сенъ-симонистское государство? Союзъ работниковъ, простирающійся на все человѣчество и подчиняющійся всемірной власти банкировъ — іереевъ во имя всеобщей любви. Это было совершенно фантастическое представленіе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительностью. Въ результатѣ сенъ-симонизмъ пришелъ къ чистой утопіи. Не мудрено, что онъ рушился такъ же быстро, какъ возникъ.

Б. Чичеринъ.

Январь, 1901 г.

